

СЕМЕН ЛАСКИН

ОДИНОЧЕСТВО КОНТАКТНОГО ЧЕЛОВЕКА

ДНЕВНИКИ 1953—1998 ГОДОВ

Семен Ласкин

**Одиночество контактного
человека. Дневники
1953–1998 годов**

«НЛО»

1953–1998

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2=411.2)6

Ласкин С.

Одиночество контактного человека. Дневники 1953–1998 годов /
С. Ласкин — «НЛО», 1953–1998

ISBN 978-5-4448-1321-8

Около пятидесяти лет петербургский прозаик, драматург, сценарист Семен Ласкин (1930–2005) вел дневник. Двадцать четыре тетради вместили в себя огромное количество лиц и событий. Есть здесь «сквозные» герои, проходящие почти через все записи, – В. Аксенов, Г. Гор, И. Авербах, Д. Гранин, а есть встречи, не имевшие продолжения, но запомнившиеся навсегда, – с А. Ахматовой, И. Эренбургом, В. Кавериним. Всю жизнь Ласкин увлекался живописью, и рассказы о дружбе с петербургскими художниками А. Самохваловым, П. Кондратьевым, Р. Фрумаком, И. Зисманом образуют здесь отдельный сюжет. В качестве составителя, автора примечаний и пояснительного текста, предваряющего каждую главу книги, выступил сын Семена Ласкина прозаик и историк Александр Ласкин. Иллюстративный материал из семейного архива Ласкиных публикуется впервые.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2=411.2)6

ISBN 978-5-4448-1321-8

© Ласкин С., 1953–1998
© НЛО, 1953–1998

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	26
Глава третья	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Семен Ласкин

Одиночество контактного человека

Дневники 1953–1998 годов

*Been away so long I hardly knew the place,
Gee it's good to be back home.
Leave it till tomorrow to unpack my case,
Honey, disconnect the phone.
I'm back in the USSR
You don't know how lucky you are, boy
Back in the US,
Back in the US,
Back in the USSR.*

*Отсутствовал так долго, я с трудом узнал это место.
О, как хорошо вернуться домой.
Давай завтра распакуем мой чемодан,
Милая, отключи телефон.
Я вернулся в СССР,
вы не знаете, как вам повезло, ребята.
Обратно
Обратно
Обратно в СССР.*

*Дж. Леннон, П. Маккартни. Back in the USSR. 1968.
Перевод В. Покровского*

*Нет счастья, равного осознанию того,
что в общем переплетении судеб...
тебе назначена своя роль.
Т. Уайлдер «День восьмой». 1967
(С. Ласкин. Дневник. Запись от 20.7.83)*

Глава первая

«Да, старик, тебе повезло как надо...» (Василий Аксенов)

Одной из главных своих удач мой отец считал то, что он – однокурсник Василия Аксенова (1932–2009). Когда ему приходилось говорить о том, что удалось в жизни, он непременно упоминал это: по профессии – врач, учился в Первом меде с Васей Аксеновым...

До некоторого момента Аксенова в дневнике нет. Видно, пока с ним не связано никаких событий. Его приятель ходит на лекции, сдает экзамены, ухаживает за местными красавицами, но что тут записывать? Лишь во второй тетради его имя возникает в первый раз.

На последнем курсе студенты проходят практику на санитарной станции в Ленинградском порту и ждут распределения на корабли дальнего плавания... У каждого свои соображе-

ния на этот счет. Судя по записи от 3 апреля 1956 года, есть план и у отца: раз писатель – это в значительной степени опыт, то он отправляется за опытом¹.

Тут-то и упомянут Аксенов. Оказывается, среди студентов, желающих попасть на флот, что-то пишет едва ли не каждый. Значит, полученное знание они разделят между собой. Не выйдет ли так, что у них будут одни сюжеты на всех?

Заметьте, пока Василий Павлович не первый автор. Не только в стране или городе, но в институте и даже на курсе. В дневнике его имя соседствует с фамилией еще одного сокурсника. Кто из них вырвется вперед, должно показать время.

Увидеть мир в столь молодом возрасте им не позволили. Аксенов отправился на Онегу, а отец – в Карелию. Оказалось, что опыта и здесь достаточно. По крайней мере, на первые книги – да и не только! – хватило вполне.

С каждой новой записью фигура Василия Павловича укрупняется. Наконец, совсем крупно, так, что не пропадает буквально ни одна фраза, изложено их посещение «крыши» гостиницы «Европейская». Они заглянули сюда выпить и закутить, а вышло нечто большее. К их столику подсел Эренбург, а затем присоединились несколько мировых знаменитостей. В эти дни в Ленинграде проходил Конгресс европейских писателей.

Вообще август 1963 года оказался неправдоподобно удачным. Мало того что отец стал почти профессионалом (его рассказ собиралась печатать «Юность»), но как врач попал к Ахматовой. Правда, этот визит был досадно коротким. «Я хотел еще поговорить», – едва не воскликнул он, но Анна Андреевна дала понять, что заболела от таких разговоров: «Сегодня приехали иностранцы, и я устала от них. До этого я себя хорошо чувствовала» (запись от 3.8.63).

Эренбург был куда щедрее. Встреча получилась не только долгой, но и насыщенной. Каждый смог проявить себя. Возможно, отец слишком волновался, а потому пережимал. Почти все вопросы задавал он. Наверное, ему казалось, что он ведет беседу, подталкивает Илью Григорьевича к развернутым ответам.

Видно, Аксенов это заметил – и вернул приятеля к реальности. «Да, старик, тебе повезло как надо», – говорит он (запись от 6.8.63). Именно так: тебе, а не мне... И вообще удачу они понимают по-разному. Один воодушевляется от разговора, а другому требуется что-то еще...

В это время Василий Павлович уже знаменитость. То, что недавно он попал на зуб Хрущеву, лишь прибавило популярности. Впрочем, задним числом попеняем за эту фразу. Все же хорошо посидели. Да и впечатления не пропали. Когда в «Московской саге» он описывал Эренбурга, эта встреча точно припоминалась.

Теперь Василий Павлович часто появляется в дневнике. Как возникнет в Ленинграде, приехав из Москвы, так и появляется.

Шестидесятническая дружба – это пир горой, дым коромыслом. Не мешало даже то, что от наших двух комнат до кухни с ванной было не ближе, чем до остановки трамвая. Да и денег вечно не хватало. Зато было весело. А это, согласитесь, важнее, чем удобство и комфорт.

Кстати, в начале семидесятых Аксенов резко прекратил пить. Все удивлялись – как это обошлось без участия медицины? Фреду Скаковскому² (мы еще не раз встретимся с ним в этой книге) произошедшую перемену он объяснил так:

– Я понял, что в выпивке нет тайны. Тайна есть только в сексе³.

В компании (а самая «прогрессивная», как любил говорить Аксенов, часть этого поколения, по сути, представляла одну компанию) трудно сохранить независимость. В том числе и

¹ Отец верил, что дальние путешествия – залог писательского будущего. Об этом говорит такая запись от 12 августа 1957 г.: «Несколько дней назад в сказочный рейс, на парусах ушел за границу Алька. Определилась его судьба. Теперь это – писатель». Альфред Пашковский – однокурсник, товарищ и (в студенческие годы) соавтор отца.

² Скаковский Ф. К. (род. 1932) – близкий друг В. Аксенова, И. Авербаха и отца, учился на параллельном с ними курсе, врач-фтизиатр. Жил и работал в Сестрорецке под Ленинградом-Петербургом, с 1998 г. живет в Аахене (Германия).

³ Запись разговора с Ф. Скаковским по скайпу от 1.2.18.

в отношении приятеля. Отец не только радовался его успехам, но сетовал на то, что тот работает не в полную силу (записи от **31.5.63** и **26.9.75**).

Отцовские оценки не идут в сравнение с тем, как порой высказывался сам Аксенов. «Кадавр!» – так говорил он о «Джине Грине – неприкасаемом». Этот роман был написан в Коктебеле вместе с двумя отдыхающими литераторами⁴. «Труп», «мертвечина» – пожалуй, для Василия Павловича не существовало оценки страшней. Другие его тексты были живыми, они буквально дышали, а этот – нет.

Возвращаясь к отцу, надо сказать, что однажды он поддался общему мнению. Еще не прочитав романа о Красине, присоединился к тем, кто воспринял книгу как попытку поправить свои материальные дела. Когда же прочел, повинулся. Роман показался ему не просто удачным, но чуть ли не «лучшей вещью» Аксенова. (запись от **6.6.71**).

Наверное, эта оценка порадовала бы Аксенова, если бы в это время он не писал свой, как он выражался, «нобелевский роман». За несколько месяцев до этого Василий Павлович читал главы из «Ожога» у нас дома (запись от **16.4.71**). Так что отец знал, что «главная» его проза не позади, а впереди. Возможно, что-то не понял – и предпочел «Любовь к электричеству».

Существовала ли тут ревность? Если и существовала, то как одна из форм любви. Отец так горячо относился к Аксенову, что на всякие несовпадения реагировал болезненно. Ему хотелось, чтобы его приятель был лучше всех, но тот порой его подводил.

При этом ни обид, ни ссор. Взаимная симпатия была неизменной. Так бывает между близкими людьми: сердишься, даже злишься, но все-таки побеждает не это. Ну и способность чувствовать друг друга на расстоянии никуда не девается.

Когда отец не смог приехать проводить Аксенова, уезжавшего в Америку, – моя мать ложилась на онкологическую операцию, – тот все понял и в качестве прощального привета прислал книжку с нежной надписью. Ее последние слова: «Ваш старый и верный друг Вася» подтверждали, что ничего не меняется: как было в студенчестве, так будет всегда.

Его решение не стало для нас неожиданностью. Все же не зря велись разговоры об упомянутом «нобелевском» романе, да и сам роман был красноречив. Кстати, Василий Павлович не оставлял его дома в Москве, а постоянно возил с собой. Когда он жил у нас, то рукопись – в соответствии с советами профессионального конспиратора Красина – помещалась на самую дальнюю полку платяного шкафа.

После того как Василий Павлович уехал, отец затосковал. Поистине слезные записи от **18.4.80**, **29.6.80** и **17.12.82** говорят о том, что для него закончилось что-то важное. Причем навсегда. Еще мучила такая мысль: уж как хорошо он знает Аксенова, но есть нечто, что в это знание не умещается.

Таково свойство талантливого человека – он всегда больше самого себя.

Ничего не остается, как поблагодарить судьбу за эту дружбу. Сказать уже самому себе: «Да, старик, тебе повезло как надо».

Почему отец не связался с Аксеновым? Риторический вопрос. Тот, кто прошел через это время, вряд ли его осудит. Может, даже посочувствует – ведь разлука далась ему трудно. Душа, как он пишет, болела (запись от **18.4.80**). Еще и еще раз он пытался разобраться: об этом свидетельствуют хотя бы разговоры со Ст. Рассадиным⁵ (запись от **19.10.81**).

Затем была встреча в Москве (запись от **24.11.89**). Очень хотелось поговорить, но как? Появление Аксенова было шумным, людей вокруг него собиралось множество, отец и двое их общих друзей чувствовали себя статистами на этом «празднике возвращения». Впрочем, отец скорее радуется: ему кажется, что пропасть, девять лет их разделявшая, наконец преодолена.

---

⁴ В 1972 г. роман вышел под вымышленным именем Гривадия Горпожакса, образованного из имен и фамилий его авторов – В. Аксенова, Г. Поженяна и О. Горчакова.

⁵ Рассадин С. Б. (1935–2012) – критик, литературовед, автор книг о Сухово-Кобылине (1989), драматургии Пушкина (2006), Фонвизине (2008) и многих других. Жил в Москве.

Вот откуда эта легкость. Кажется, он освободился от того, что его тяготило. Теперь у него нет претензий и сетований. Есть лишь благодарность за то, что приятель был и будет.

Еще раз имя однокурсника возникает в связи с возможной поездкой в Америку. Разговаривая с Александром Межировым⁶, отец вновь пребывает в смятении. Собеседник обвиняет его приятеля в «гапоновщине», а он думает о том, что тот «Вася», которого он знал и любил, «был щедрый и очень добрый».

Можно догадаться и о мыслях Василия Павловича. Как рассказывает Межиров, тот попросил его прочесть «Артиллерия бьет по своим». Ссориться не стал, но дал понять, что ситуация хорошо знакомая. Много лет назад сам поэт ее описал (запись от **18.6.91**).

О дальнейшем дневник умалчивает. Возможно, потому, что не было ничего заслуживающего внимания. Два-три телефонных звонка во время аксеновских приездов в Москву, обещание непременно встретиться... Когда в двухтысячном году Василий Павлович приезжал в Петербург, отец после операции на мозге уже почти не вставал. Аксенову об этом рассказали; говорят, он грустно кивал, разводил руками, но нам не звонил.

Отчего кончается дружба? Сюжет почти аксеновский. Возможно даже, для их поколения основной. И, конечно, главный для его поздней прозы. Сколько раз он описывал эту перемену! Сперва – огонь и воодушевление, а потом угасание. Сначала – романтическое «мы», а затем скептическое «они».

Теперь по праву свидетеля – мои «пять копеек» в дополнение. Тем более что появление Аксенова в нашей коммуналке на Ракова, а потом в отдельной квартире на Большеохтинском проспекте было событием и для меня. Особенно впечатляла простота общения. Сколько бы мне ни было лет – пять или двадцать, – он всегда по телефону представлялся: «Вася». Меня это очень грело: казалось, я не сын друзей, а тоже друг.

Конечно, это шестидесятническое. Поколение Аксенова презирало иерархию. С их точки зрения, не было ни старых, ни юных, а были «свои». «Старик» – обращались они друг к другу, и это значило то же, что «чувак». Формулы говорили не о возрасте, а о существовании сообщества, в котором все чувствуют себя одинаково комфортно.

Когда Аксенов писал письма или подписывал книжки, он на первое место ставил мою мать, на второе – меня, а на третье – отца. Несколько раз первым оказывался я... К тому же мне позволялось не только присутствовать при взрослых разговорах, но посылно в них участвовать.

Помню, как-то мы завтракали, Василий Павлович рассказывал о поездке в Америку, отец, еще до Штатов не добравшийся, удивлялся. Как мне теперь понятно, главный вопрос задал я. Вернее, вопрос был обычный: «Что вам больше всего понравилось?» – а он очень серьезно ответил:

– Ты понимаешь, это такая страна, в которой можно прожить целую жизнь – и ни разу не соприкоснуться с государством.

Фраза запала, хотя ее глубину я понял значительно позже. Когда же ее осознал, то вспоминал чуть ли не ежедневно. Уж очень бурная жизнь началась в нашем отечестве.

Раз мне довелось находиться рядом, то надлежит кое-что прокомментировать.

Я уже упоминал врача Фридриха Скаковского, о котором в этой главе говорится в записях от **13.10.70**, **29.6.80** и **24.11.89** и еще много раз в дальнейшем. Это один из самых одаренных друзей юности Аксенова и отца. Темные глаза всегда горели, жестикуляция была немного преувеличенной... Однажды Фред – кажется, впервые в жизни – написал рассказ. Перепечатывать не стал, а прочел с блокнотных листочков. Приятели изумились и взволновались. От предложения отдать текст в журнал автор отказался.

---

⁶ Межиров А. П. (1923–2009) – поэт, переводчик. Жил в Москве, с 1992 г. – в США.

А это штришок к портрету Аси Пекуровой⁷, возникающей в записях от **20.12.65** и **18.4.66**. Говорили, что барышня была не только красивая, но умная и своенравная. Эти качества ее первый муж Довлатов и его конкурент Аксенов ценили больше всего. В доказательство приводился такой случай. Однажды Ася отказалась участвовать в субботнике. В докладной начальству это было объяснено тем, что положенную ей часть работы она готова выполнить дома.

Или: автора «Звездного билета» принимает сам Демичев⁸, о чем сказано в записи от **10.8.66**. Приглашение было неожиданным, ночь перед этим – бессонной, так что Аксену пришлось пудриться и надевать черные очки. Впрочем, кандидат в члены Политбюро, как утверждал Василий Павлович, «любит нас принимать». Не зря по Москве ходила фраза: вот приду домой, – якобы говорил всемогущий идеолог, – скажу дочери, что у меня был Евтушенко – и она меня зауважает.

Ну и еще десятки таких историй... Разговаривали, выпивали, закусывали. Существовали на одной волне. А значит, буквально все могло стать поводом для шуток. А уж пафос просто третирировался. Он не признавался не только в государственном масштабе, но и в пределах квартиры.

Когда бюро пропаганды Союза писателей выпустило афишу: «Семен Ласкин. Творческая встреча», она сразу была повешена в сортир. Посещавшие это заведение гости зря времени не теряли и что-то на афише писали... Разумеется, свой след оставил и Аксенов:

Иногда читаешь в туалету,
что бумаги туалетной нету...
Ну а ласкинский прохладнейший клозет
Не содержит и клочка газет.

Что-то тут есть очень аксеновское. Что именно? Интонация. В данном случае она представляла сочетание корявости и восторженности (словно изумился и написал иностранец)... Еще надо прибавить странный кунштюк речи, которая вдруг становится чуть ли не изысканной («прохладнейший клозет»), а потом снова ввергается в неправильность.

Хотя пример скромный, но в нем виден Василий Павлович. Можно даже сказать, слышен – интонирование, способность разговаривать на разные голоса есть фирменный знак его стиля... Прибавьте еще мысль о том, что вокруг мрачно, а у друзей все хорошо, и мы узнаем аксеновскую грезу о Советской власти с веселым лицом его современника. Дружите и обрящете, – словно призывал он. Сбросьте с себя официальщину и казенщину – и станьте теми, кем вы бываете для себя и своих близких.

Шло время, и постепенно приходило ощущение, что этого все-таки недостаточно. Рубеж, как мы знаем по «Ожогу», проходил по границе, через которую советские танки двинулись на Прагу.

Иллюзий у Аксенова становилось меньше, и соответственно менялась тональность его надписей на книгах. Сперва они говорили о дружбе, о радужных перспективах, а потом тоже о дружбе, но уже грустнее, без прежней бравады.

Вот «Коллеги» (1961): «Дорогим Оле⁹ и Сене Ласкиным в знак дружбы. Пейте баккарди и ешьте картошку». Вот «Катапульта» (1964): «Саше и Сене с большой надеждой на них, а

⁷ Пекуровская А. (род. 1940) – филолог, впоследствии – писатель и литературовед. Среди ее книг не только мемуары: «Когда случилось петь С. Д. и мне» (2001), но и «Страсти по Достоевскому. Механизмы желаний сочинителя» (2004). Первая жена С. Довлатова, приятельница Аксенова. Жила в Ленинграде, с 1973 г. – в США.

⁸ Демичев П. Н. (1918–2010) – государственный и партийный деятель. В 1963–1974 гг., будучи секретарем ЦК КПСС, курировал вопросы идеологии, истории и культуры.

⁹ Оля – Ласкина О. А. (1926–2015) – врач, моя мать.

маме Оле с чистой любовью». Вот «На полпути к луне» (1966): «От молодого жирненького Васи вечно юным Ласкиным» (помещено рядом с фотографией). Вот «Жаль, что вас не было с нами» (1969): «Оле, Саше, Сене, замечательным Ласкиным, от их друга Васи».

Пожалуй, перелом намечался начиная со шведского издания «Затоваренной бочкотары» (1970): «Сене Ласкину эту вкусную шведскую книжку про то, чего у них нет». И уж совсем печально звучит надпись на детской книжке «Сундучок, в котором что-то стучит» (1976), которую Аксенов передал нам перед отъездом в Америку: «Дорогие и родные Оля, Саша и Сенечка! Время пошло такое, что совсем уже день грядущий затуманился. На стр. 182 этой книги вдруг обнаружил: «Дети, мы очень слабы перед грозной игрою природы...» Увы, не возразишь прародителю – и все-таки будем помнить, что с нами было, и надеяться на будущее, на Господа уповать».

Кстати, почему он прислал именно «Сундучок...»? Не знаю, задумывался ли об этом отец, но, кажется, я знаю ответ. Да потому, что в этой книге вспоминается Ленинград их юности. В ту счастливую пору люди хотели обладать не обыкновенными «москвичами», но романтическими бипланами, а взрослые и дети называли друг друга «дружище».

Еще, уезжая, Аксенов прислал толстенный том перепечатанных на машинке и переплетенных пьес. Этот подарок предназначался «Фреду, Сенечке, другим друзьям для развлечения». Дальше было написано: «„Откупори шампанского бутылку...“ или „сучка“ бутылочку открой». Есть что-то невеселое в этом выборе между шампанским и «сучком». Это вам не баккарди и картошка! Конечно, он не помнил, что когда-то написал на «Коллегах», но вышло что-то вроде рифмы.

Закончить это вступление хотелось бы двумя историями. Кому-то они покажутся случайными, но мне тут видится ключ. В качестве комментария к тому, о чем здесь говорилось, они просто незаменимы.

Первый сюжет относится к тем горячим коктебельским дням, когда Аксенов узнал о вводе войск в Чехословакию. Об этом мы говорили недавно с Юзефом Липкиным и Бертой Полонецкой¹⁰ в их небольшой квартирке в Бат-Яме. Они вспоминали своего однокурсника Васю и немного удивлялись: сколько было самого разного, а на память приходит именно это.

В августе 1968 года Липкины сняли комнату рядом с Домом творчества и примкнули к аксеновской компании. Все было хорошо до тех пор, пока не случилось это вторжение. Тут Аксенов как сорвался с колков – он все время пил и мрачно повторял: «Рабы!».

«Рабы» – это они, шестидесятники, те, на кого он возлагал особые надежды. Это, конечно, и он сам. Что они все могут против танков? Только переполняться водкой, печалью и раздражением.

Вторая история более оптимистическая. Хотя бы потому, что она могла закончиться плохо, но как-то обошлось. Участники – Аксенов и отец. Еще участник – милиционер. Зритель – моя мать, наблюдавшая за происходящим в окно нашей коммуналки.

Аксенов приехал из Москвы и остановился у нас. Они отправились куда-то с отцом, но обещали вернуться к обеду. Когда все сроки прошли, мама занервничала и стала поглядывать в окно. Больше всего на свете она не любила неточности.

Долгое время в окне ничего не происходило. Затем она увидела нечто невообразимое.

К ее ужасу, Аксенов и отец обнаружили на строительных лесах дома напротив. Сперва они ходили по шатким мосткам, а затем доски стали сбрасывать вниз. Это вышло и громко, и эффектно. А главное, это было о том же, о чем втайне мечтало их поколение, – о свободе, об упоении в бою, о борьбе и обретении.

---

¹⁰ Липкин Ю. Я. (1932–2014) и Полонецкая Б. Н. (род. 1932) – врачи, жили и работали в Мурманске и Ленинграде, однокурсники и приятели Аксенова и отца, в 1990-е гг. эмигрировали в Израиль.

Этим чувствам они предавались недолго. Уже свистел и бежал милиционер. Видно, у друзей ноги оказались длиннее, так как вскоре, запыхавшиеся и довольные, они сидели за обеденным столом.

Почему я это рассказываю? Потому что шестидесятнические бунты схожи с этим покушением на строительные леса... Или с проводами утраченной свободы со стаканом в руках... Впрочем – об этом уже говорилось, – дело не в результате, а в процессе. В интонации. В том, как это произнесено, а также – для кого. Если потом есть что вспомнить, то жизнь прожита со смыслом.

Василий Павлович так и написал на детской книжке: «...будем помнить, что с нами было...» Это был длинный и богатый событиями путь. В «Ожоге» он сказал об этом в третьем лице, от имени своего персонажа: «По Бродскому проедут осторожно / свернут на Наймана / по Рейну пропылят / как дунут Штакельбергом к Авербаху¹¹ / на Пекуровской лишь затормозят...» Теперь вы знаете еще один адрес, где ему всегда были рады и где он любил бывать.

3.4.56. Интересный факт, что из идущих на корабле 4-го все вдруг стали писать. И все что-то могут. Неужели у меня столько же литературного (пропущено; как видно, «дара». – А. Л.), как у них (Карпенко¹², Аксенова)? А может быть, и меньше? Жаль будет этих пяти последних лет и трех будущих. Хотя?..

23.3.63. Сейчас в искусстве происходят события. Бьют всех – Аксенова, Вознесенского, Эренбурга. Печальная картина!¹³

6.4.63. Покаялся в «Правде» Васька¹⁴. Моя привязанность к нему более прочна, чем наоборот. Он не ответил ни на одно мое письмо.

31.5.63. В эти дни приезжал Васька. Счастливый, хотя и более осторожный, чем всегда. Талант у него огромный, а вот работает он очень мало – слишком ему все просто. Щедр до мотовства. Мил, добродушен, и одновременно его дружба пугает, так как чувствуешь, что все это не остается у него в сердце, все это «с глаз долой, из сердца вон».

Прочел он мою повесть, считает ее «на уровне», хотя там много стилистических неточностей. «На уровне того, что было в „Юности“».

Тогда я попросил порекомендовать ее в «Юность». Васька замялся, а потом сказал: «Но ведь там уже была повесть о врачах».

– Так ведь это было в 59-м году («Коллеги»).

– Ну ладно, можно показать¹⁵.

3.8.63. Приехали родители в Комарово. Папа возвращался с пляжа, и вдруг его догнала «Волга». Два человека спросили его: «Как найти доктора?».

– А что у вас случилось?

– Очень плохо с Ахматовой. Мы приехали в гости – и вдруг сердечный приступ.

¹¹ Штакельберг Л. Д. (1909–1944) – преподаватель Института им. Лесгафта в Ленинграде, автор довоенного учебника по теории физического воспитания. См. воспоминания его сына: *Штакельберг Л. Отец*. «Звезда». 2014. № 11. Возможно, к этому месту в «Ожоге» имеет отношение то, что после института будущий кинорежиссер И. Авербах (см. главу 2 этой книги) работал врачом Ленинградского физкультурного диспансера и напечатал в «Юности» несколько спортивных очерков. Кстати, упоминание в «Ожоге» не прошло мимо режиссера: «Аксенов меня упоминает. Наверное, думает, – говорил он Скаковскому, – что написал пародию на московскую богему, а на самом деле эта жизнь ему очень нравится» (Запись разговора с Ф. Скаковским по скайпу от 15.1.17.).

¹² Карпенко М. – однокурсник Аксенова и отца. Его жизнь закончилась трагически (см. запись от **30.12.75**). «Он погиб, как Алик Даль», – рассказывал Аксенов в интервью журналу «Медведь» (2005, № 91).

¹³ Речь о ситуации после разноса, устроенного Н. Хрущевым на «встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства» 7 марта 1963 г.

¹⁴ 3 апреля 1963 г. «Правда» опубликовала статью Аксенова «Ответственность», в которой он признавал свои, а заодно и чужие ошибки. «Прозвучала суровая критика неправильного поведения и легкомыслия, проявленного Е. Евтушенко, А. Вознесенским и мной... – писал он. – Я считаю, что критика была правильной».

¹⁵ Повесть «Боль других» была опубликована в журнале «Юность» (1965, № 7–8), а потом вышла в составе книги: *Ласкин С. Боль других*. М., 1967.

– Раз с Ахматовой – это другое дело. Я дам вам врача, – сказал папа. – Если бы кто-то другой – тогда бы я этого не сделал.

– Если бы это был Кочетов¹⁶, мы бы не поехали сами.

И вот я уже мчусь к Ахматовой. Волнуюсь. А вдруг – что-то серьезное. Ведь у меня даже нет шприца и лекарств. Ругаю отца. В дороге узнаю, что оба парня в машине – переводчики – один Борис Николаевич (или наоборот) Томашевский¹⁷, и они приехали на Совещание европейских писателей, которое проходит в Ленинграде¹⁸. Туда же приехал Васька.

В квартиру Ахматовой пустили не сразу, а вначале предупредили ее. Я вошел в темную комнату, завешенную коричневыми шторами, и даже не решился оглядеться. Над кроватью иконы – маленькие. Старинные вещи – комод, деревянная кровать¹⁹.

Анна Андреевна сразу произвела впечатление очень усталой. Полная, седая, с лицом «благородных старух», говорит медленно, немного нараспев, и, казалось, каждым словом подчеркивает свою усталость.

– Я хочу, чтобы вы рассказали о приступе.

Она подняла руки и показала на челюсть.

– Заболело сердце и стянуло челюсть. – Пауза. – Это у меня бывает. Я приняла валидол, поставила горчичники на грудь – и прошло. Вы, наверное, хотите посмотреть пульс?

– Я хотел еще поговорить.

– Я очень устала от разговоров. Сегодня приехали иностранцы, и я устала от них. До этого я себя хорошо чувствовала.

Я послушал ее и ушел. С ребятами в машине мы немного поговорили о Совещании.

5.8. я дежурил и потому не мог повидать Ваську.

6.8.63. Вечером Васька – Аксенов – человек, в которого я очень верю как в писателя. Расцеловались. Мы любим друг друга, поэтому говорить нам легко. Он лежал усталый – обсуждали все, что случилось в мире. И опять китайцы²⁰ – это не слезает с языка. Все понимают, что разрыв – великолепное дело. Потом пошли ужинать на Крышу, где членов Европейского совещания кормят. Я, наверное, впервые попал в общество иностранцев и чувствовал себя вполне растерявшимся. Разговаривали, ели. И вдруг Васька показал мне Эренбурга. Илья Г. сидел за соседним столиком. Седой, лохматый, с очень тонкими и, пожалуй, мелкими чертами лица, бледный. Совсем старик. Смотреть было неудобно, и я отвернулся. К столику подошел греческий писатель (фамилию пока не знаю), очень известный в Греции, с переводчицей. И сел напротив нас. Мы передвинулись и заговорили. Он не читал Ваську, попросил его написать названия книг на английском, итальянском, французском, а потом дать автограф. Его дочь учится в Сорбонне. Он пошутил:

---

¹⁶ Кочетов В. А. (1912–1973) – писатель, в 1955–1959 гг. – главный редактор «Литературной газеты», с 1961 г. до конца жизни – главный редактор журнала «Октябрь». Одна из самых мрачных фигур «охранительного лагеря». В этом качестве отметился в основных событиях литературной жизни – громил Зощенку и Ахматову, отрицал «оттепель», боролся против «Нового мира» Твардовского. Его взгляды отразились в прозе, жанр которой историк Р. Медведев определил как «роман-донос, роман-пасквиль». Политика «Октября» характеризовалась, впрочем, и некоторой непоследовательностью – иногда журнал публиковал авторов с неблизкими взглядами. Здесь печатались В. Максимов (в 1967–1968 гг. он был членом редколлегии журнала), П. Антокольский, Н. Рубцов, И. Волгин. Скорее всего, это свидетельство не демократизма, а прагматизма: все же журнал существует для читателей, и не может ограничиваться узким кругом «своих» авторов.

¹⁷ Томашевский Н. Б. (1924–1993) – литературовед, переводчик с итальянского и испанского языков. Переводил Лопе де Вега, П. Кальдерона, М. Унамуно, Л. Пиранделло, А. Моравиа. Жил в Ленинграде, с 1951 г. – в Москве. См. о нем: *Ласкин А. Петербургские тени*. СПб., 2017.

¹⁸ Конгресс Европейского сообщества писателей на тему «Судьба романа» проходил с 5 по 8 августа 1963 г.

¹⁹ Отец был так взволнован, что не обратил внимания на еще одну участницу встречи – З. Томашевскую (1922–2010), архитектора, сестру Н. Томашевского. Она же запомнила не только его визит, но и рекомендации: «Он велел поставить грелку к ногам». См. о ней: *Ласкин А. Петербургские тени*. СПб., 2017.

²⁰ 14 июля 1963 г. «Правда» опубликовала «Открытое письмо ЦК КПСС к партийным организациям, ко всем коммунистам Советского Союза», в котором разъяснялась позиция по китайскому вопросу.

– Она попросила привезти больше автографов. Она их продаст и сможет на полученные деньги приехать в Россию.

Меня Васька представил:

– Лучший врач Ленинграда и молодой писатель.

– Среди врачей много писателей. Кронин²¹.

Переводчица:

– Чехов, Аксенов.

Говорили о балете. Особенно ему понравился «Болеро» Равеля.

Часов около десяти к столику неожиданно подошел Эренбург. Теперь он был напротив меня. Мне было удивительно приятно сидеть рядом.

– Я очень слежу за вашим творчеством – сказал он Ваське. – И, знаете, кое-что мне очень нравится, особенно рассказы в «Новом мире». Кое-что меньше – «Апельсины из Марокко». Здесь вы допустили просчет – написали все в одном ритме, одним языком. А кое-что мне не нравится совсем. Вы знаете, о чем я говорю?

Я догадался не сразу.

– Знаю, – сказал Васька и забарабанил пальцами по столу. Он покраснел, и нога его отбивала такт.

– Слишком легко говорить об ответственности²² – это не нужно. И для чего так сразу! Ведь вам ничего не угрожало. Теперь не стреляют – пули не настоящие, а бумажные... Меня ужасно ругали, но я ничего не писал²³.

– У меня был тоже очень тяжелый момент, помните?²⁴ – сказал Васька.

– Все-таки это пустяки. Так же и Евтушенко. Поэт небольшой, но захваленный. Сразу сдался. И вообще, кто вам сказал, что нужен положительный герой? Кому нужен этот герой?

– Людям, – сказал Васька.

– Вы так думаете? – Эренбург посмотрел на него внимательно.

– Думаю. Люди требуют этого.

– Я не придаю этой статье большого значения, – сказал я. – Главное, что он сейчас пишет.

– Нет, так нельзя. Мы раньше тоже говорили, что это ерунда, но ведь за этим шло что-то более страшное.

– Знаете, Илья Григорьевич, я врач и знаю, что, когда у человека психоз, его нужно утешить.

Переводчица молчала и не переводила нас. Она была прямо красная от волнения.

– Илья Григорьевич, вы меня извините, что я не перевожу то, что вы говорите, но я просто боюсь перебивать вас. Но потом я все-все расскажу моему греческому писателю.

Эренбург заговорил с ним по-французски. Один раз он взглянул на меня и понял, что мы ничего не понимаем, сказал:

– Это называется диалог глухих.

– Правда ли, что у вас была встреча с Никитой Сергеевичем?²⁵

---

²¹ Кронин А. (1896–1981) – шотландский писатель, врач, в 1925 г. защитил диссертацию на степень доктора медицины.

²² См. примеч. 3 на с. 16.

²³ Ф. Скаковский со слов отца вспоминает, что, когда Эренбург ушел, Аксенов прокомментировал его претензии: «Легко ему говорить» (Запись разговора с Ф. К. Скаковским по скайпу от 15.1.17.)

²⁴ Имеется в виду персональная критика Аксенова Хрущевым на «встрече с деятелями литературы и искусства».

²⁵ После критики мемуаров «Люди, годы, жизнь» Эренбург отказался от участия в Конгрессе европейских писателей, о чем заявил руководителю Союза писателей СССР А. Суркову. Кроме того, Эренбург написал письмо Хрущеву. Благодаря этому письму в августе 1963 г. состоялась встреча Хрущева с писателем, на которой и решился вопрос с продолжением публикации. Эренбург получил заверение, что «таким как он, цензура не нужна». Появление Эренбурга на Конгрессе – один из итогов договоренностей «на высшем уровне».

– Да. Мне думается, что все сейчас идет к лучшему. Обещают издать 6-ю книгу «Люди, годы, жизнь». Притом Н. С. сказал, что я буду сам себе цензор. Я пришел домой и сказал Любе²⁶: «У меня новая специальность. Я буду сам себе цензором».

– А вы пишете 6-ю книгу?

– Нет. Часть написана – это то, что изъяли из пятой книги. Истребление немцами евреев и глава о Кончаловском²⁷.

– Почему изъяли Кончаловского?

– Это была противоречивая фигура, особенно его взгляды на искусство. (Почему изъяли про евреев, я не стал спрашивать. – С. Л.)

– А 6-я книга будет о чем?

– Литературные портреты. Фадеев, Матисс, глава о космополитизме. Все до 1953 года. Недавно я думал, что все это будет издано после моей смерти, теперь надеюсь. Вообще, сейчас все должно потеплеть. Иначе и быть не может. Иначе все это цирк.

– Я не понимаю, почему придают значение этому Сообществу?²⁸

Я:

– Потому что у нас.

Эренбург:

– Да, у нас, а не на Луне.

Я:

– И. Г., а действительно вы не хотели ехать сюда? И вас пригласили...

– Только не так, как вы думаете. Меня пригласил Сурков²⁹. Очень попросил приехать.

А разговор был раньше немного...

– И вам показалось, что все было доброжелательно.

– Вы же врач, и я не могу говорить, что думала та сторона.

Васька:

– Сартр³⁰ будет выступать?

– Не знаю. Возможно.

Он опять заговорил по-французски с греком – о греческой литературе. Попросил назвать лучших прозаиков и поэтов. Тот назвал. Эренбург кое-что подтвердил. Никто из них не был у нас издан, но он читал кое-что по-французски.

– Как вам выступления писателей?

– Кое-что прямо возмущает. Разве можно все валить в одну кучу – Джойс, Кафка, Пруст. Все назвали декадансом. И сразу же получили по заслугам. Ведь они ничего не знают и ничего не читали. Какой декадент Кафка? Это по-своему очень реально. Для своего времени Джойс был значительным событием, многое открыл. Затем пошли Хемингуэй, Фолкнер и уж за ними вы (к Аксенову с улыбкой). Так что Джойс вам дедушка. Это все равно, что Хлебников. Его много сейчас не прочтешь, но без Хлебникова не было бы Маяковского.

²⁶ Эренбург Л. М. (1899–1970) – живописец и график. Училась у А. Экстер, Р. Фалька и А. Родченко. Родная сестра кинорежиссера Г. Козинцева и жена И. Эренбурга.

²⁷ Кончаловский П. П. (1876–1956) – художник. Один из основателей объединения «Бубновый валет» (1911–1917). Академик. Прошел путь от «сезаннизма» и внутренней мощи ранних вещей к реалистическим решениям и внешней декоративности в 1930–1950 гг. Жил в Москве.

²⁸ Европейское сообщество писателей было создано в 1958 г. в Неаполе – оно объединило 1500 писателей из 26 стран Европы. В 1958–1965 гг. сообщество провело пять конгрессов – один из них состоялся в Ленинграде.

²⁹ Сурков А. А. (1899–1983) – поэт и критик. В 1953–1959 гг. – первый секретарь Союза писателей СССР. Его деятельность отмечена не только участием в травле Пастернака, но и усилиями, связанными с изданием первой после 1946 г. книги Ахматовой «Стихотворения» (1958), в которой он значится редактором. Кроме того, до 1968 г. Сурков был председателем комиссии по литературному наследию Мандельштама.

³⁰ Сартр Ж.-П. (1905–1980) – французский философ, прозаик, драматург. Лауреат Нобелевской премии 1964 г., от которой отказался.

Я: Кафка был шизоид, болен?

– Ну все писатели немного больны – такова уж профессия. Гоголь – это совсем, Достоевский, даже Толстой в старости. Только Чехов был здоров. Пожалуй, это самый современный писатель.

В.:

– Какие выступления вам не понравились?

Э.:

– Все наши. Особенно великий писатель Лев Толстой (Шолохов. – С. Л.). Ну что он понимает в современном романе? Вот Солженицын бы...

– Он не приехал?

– Он хуже себя чувствует.

В зале появился Джанкарло Вигорелли³¹ – итальянский поэт. Он вошел в сопровождении вице-президента Сообщества – тоже итальянца. Маленький, скрюченный, тоже совсем седой, с узкими щелочками глаз, умными и хитрыми, постоянной ироничной улыбкой.

Вигорелли медленно направлялся к нам.

Э.:

– Интересно, сколько ему лет? Я старше или он? Сначала я думал, что я здесь самый старший.

Пер.:

– Нет, он старше, И. Г.

– Вы бы посмотрели, как он смотрит на девушек. Прямо не отрывается.

– Он хороший поэт?

– Ну в манере девятнадцатого века. Кстати, я считаю, что вся наша литература в манере девятнадцатого века. Есть другая литература.

Он стал говорить с Вигорелли, а мы с Васькой о том, выступать ему седьмого или нет. Я говорил, что нужно выступить.

– Ты думаешь? – несколько раз сказал Васька. – Только все, что я скажу, это так. Если бы можно было бы говорить, я бы сказал иначе³².

Видимо, Эренбург рассказывал о Сартре – я услышал фамилию и обернулся. Он понял, что нам интересно, и попросил переводчицу переводить греку – это смешно.

Он стал говорить медленно.

– Я постоянно живу на даче... И ко мне приехал Сартр.

А рядом со мной живет агроном.

Это Тартарен.

Он разводит помидоры, и они растут у него плохо.

Поэтому он, когда приезжает начальство, покупает помидоры на рынке.

И подвешивает их на ниточках к кустам.

А на кустах пишет: «Руками не трогать».

С агрономом у нас деловые отношения. Я развожу цветы, и он ко мне заходит.

И вот он пришел ко мне, и я познакомил его с Сартром.

Он спрашивает у Сартра:

– Скажите, сколько литров во Франции корова дает молока?

– Понятия не имею, – говорит Сартр.

– Ну как же. Вспомните. 50 литров дает?

– Да, кажется, на выставке я видел что-то похожее.

---

³¹ Вигорелли Д. (1913–2005) – итальянский поэт, критик, сценарист, актер. Генеральный секретарь Европейского сообщества писателей. Один из инициаторов награждения Ахматовой премией «Этна-Таормина».

³² На конгрессе Аксенов выступил с докладом «Роман как кардиограмма писателя».

– А у нас, – говорит мой Тартарен, – каждая корова дает столько. А спросите колхозников, что такое выставка? Они и не слышали.

Мы смеемся.

– Он уже понял политику, – говорит Васька.

Грек спрашивает:

– Вы любите Сартра?

– Это большой драматург и мастер эссе. Вы не читали его пьесу: «Вход в ад» (я, кажется, неправильно называю название)³³. Эренбург рассказывает сюжет. Говорит, что это очень здорово. Касаемся театра, и я спрашиваю о «Горе от ума»³⁴.

– Я узнал «Горе уму»³⁵. Я видел, как блуждает сплетня по лицам людей³⁶. Они выдумали откуда-то эту фантастическую ложь.

– Разве вы не говорили о сосуществовании идеологий?

– Я в кавычках в письме говорил о сосуществовании художников разных направлений, но одной идеологии³⁷.

Я разливаю шампанское. Эренбург говорит:

– Когда-то в Ротонде я выпивал бутылочку сухого и писал с ясной головой.

Он говорит по-французски, показывая на Ваську:

– Такой мальчик может выпить что-нибудь покрепче... Кстати, на градусы, а не на вкус смотрят только у нас.

Вошел Тибор Дери³⁸ (венгр).

– После 56-го года его посадили.

Васька дополняет:

– Председатель сказал: «Благодаря Европейскому сообществу писателей мы видим здесь Тибора Дери».

– А как это некрасиво... Он был у меня перед отъездом в Киев несколько дней назад.

Мы прощаемся и идем вместе по лестнице, потом снова прощаемся. Васька просит Эренбурга прочитать роман³⁹.

– С удовольствием, – говорит Илья Г. – Какой-то издатель просил разрешения перевести «Апельсины из Марокко», – переводит разговор Эренбург.

Мы выходим с Васькой на улицу.

– Мне чертовски повезло сегодня, – говорю я.

– Да, старик, тебе повезло как надо, – говорит Васька.

9.9.63. Прочел Васькин роман «Улица Лабораториум». Впечатление – ему не хватило материала. Пусто.

³³ Название пьесы Сартра: «За закрытыми дверями».

³⁴ Постановка Г. Товстоногова «Горе от ума» (БДТ, 1962).

³⁵ Постановка В. Мейерхольда (ГОСТИМ, 1928). На афишу был вынесен один из первых вариантов названия грибоедовской комедии.

³⁶ В эпизоде «Столовая» Мейерхольд ставил вдоль авансцены длинный стол и сажал за него всех персонажей пьесы. Сплетня о безумии Чацкого двигалась от одного края стола к другому.

³⁷ Разговор возвращается к письму Эренбурга Хрущеву. Лозунг «сосуществования идеологий» провозглашен венгерским клубом Петефи, подготавливавшим события 1956 г., о чем отец знал из передач западных «голосов». Эренбург отвечает в духе слов Хрущева, произнесенных на встрече с интеллигенцией в декабре 1962 г.: «Мирного сосуществования в вопросах идеологии не будет!»

³⁸ Дери Т. (1894–1977) – венгерский прозаик, поэт, драматург, основатель дадаизма и сюрреализма в Венгрии, один из идеологов восстания 1956 г. После разгрома восстания был осужден на девятилетний тюремный срок, амнистирован в 1960 г.

³⁹ Речь о только что законченном романе Аксенова «Улица Лабораториум». Впоследствии роман получил название «Пора, мой друг, пора». Первое книжное издание: М., 1965.

12.9.63. (Написано на открытке; помещено в дневник) *Дорогой Сеня! Недавно я увидел твое лицо в редакции «Юности»⁴⁰. Мэри ⁴¹сказала, что твой рассказ пойдет. Очень рад за тебя и поздравляю. Что с повестью? Все ли благополучно в изд-ве и как в «Молодой гвардии»?⁴²*

Я уже неделю как вернулся с Киры ⁴³ из Коктебеля и погрузился в обычную жизнь, из которой собираюсь вырваться в Новосибирск в начале октября. Работа что-то у меня сейчас не клеится, обстановка не располагает и немного стал метаться от одного к другому, что, конечно, очень плохо.

Пришли мне, пожалуйста, рукопись ⁴⁴. Она мне нужна. И сообщи свое мнение, а также мнение Фимки ⁴⁵, если оно у него есть.

Привет Оле и Сашке.

Целую, твой Вася.

31.12.63. (Вклеено в дневник. – А. Л.). *Дорогие Оля, Саша и Сеня! В канун Нового года наш маленький коллектив посылает вашему маленькому коллективу пожелания счастья, здоровья, оптимизма, много чистой и звонкой валюты, а Кит⁴⁶, который пишет за папу книги и пьесы, желает своему коллеге Сахе творческих успехов.*

С надеждой на встречи и поцелуями

Кит, Кира, Вася

9.5.63. В «Юности» – Васька сообщил – что рассказ будет в № 11⁴⁷. Ну что ж – это очень приятный сюрприз.

1.11.64. Пережил очередное потрясение. Вчера – пан, сегодня – холоп. Позвонил в «Юность». Оказывается, Мэри Лазаревна сказала Кире Аксеновой в основном свое мнение и рецензентов, а вот Б. Полевой и Преображенский⁴⁸ не читали повесть. Опять ожидания, волнения...

28.4.65. Вчера приехал из Москвы... Менее всего мне понравился Васька Аксенов. Он, как всегда, где-то над человечеством. Где-то надо мной и другими. И бывает тягостно – вот, мол, идет рядом классик. Несет свое тело. Кланяйтесь.

Не знаю, но ему со мной скучно и мне с ним скучно.

20.12.65. Приехал Васька. 17-го ночью (около 12) явился пьяный. Спал у меня, а утром исчез. Обещал снова появиться, но, видно, любовь, которая у него приключилась, держит его в своих руках.

23.12.65. И опять Васька. Явился в 2 ночи. Чуть в подпитии, но умный, стерва. Написал в Комарово о Сэлинджере и Хэме статью в «Ин. лит»⁴⁹. Мудро очень. Ночью говорили об американской литературе.

24.12.65. Записать нужно, а лень. Из его рассказов. К истории рассказа «Победа».

⁴⁰ Скорее всего, Аксенов увидел фотографию автора к готовящейся публикации рассказа «Бужма».

⁴¹ Озерова М. Л. (1920–?) – в 1960-е гг. заведующая отделом прозы журнала «Юность».

⁴² Первая книга отца лежала в нескольких издательствах, но, в конце концов, вышла в «Молодой гвардии» (Ласкин С. Боль других. М., 1967).

⁴³ Менделева К. Л. (1934–2013) – первая жена Аксенова.

⁴⁴ Аксенов давал отцу рукопись романа «Пора, мой друг, пора».

⁴⁵ Фимка – Финкельштейн Е. З. (псевдоним – Е. Захаров) (1927–2009) – театровед, автор первой книги об О. Табакове (М., 1966), завлит Московского театра «Шалом». Близкий друг отца и хороший знакомый Аксенова. Учился в Ленинграде, жил в Москве.

⁴⁶ Кит – Аксенов А. В. (род. 1960) – художник кино. Сын Аксенова. Живет в Москве.

⁴⁷ Рассказ «Бужма» – первая крупная публикация отца – напечатан в журнале «Юность» № 11 за 1963 г.

⁴⁸ Полевой Б. Н. (1908–1981) – писатель, в 1961–1981 гг. – главный редактор журнала «Юность»; Преображенский С. Н. (1908–1979) – журналист, заместитель главного редактора журнала «Юность».

⁴⁹ Опубликовано: Аксенов В. Непривычный американец // Иностранная литература. 1966. № 3.

Балтер⁵⁰ и Гладилин⁵¹ в Гаграх играли все время в шашки. А Васька не умеет. Он смотрел на них. Кстати, они тоже плохо играют. И вдруг подумал: пойду-ка я напишу юмористический рассказ о шахматах для «Крокодила». И написал трагический и философский рассказ «Победа».

26.3.66. Писать не хочется. Видимо, сказывается вчерашняя вечеринка у Рубана⁵². Теперь понимаю Ваську. Здесь меня окружают такие же ребята любопытные и скучающие, как в Ленинграде его. А может, я не прав? Люди славные, и мне хорошо, не скучно.

18.4.66. Был у меня Васька Аксенов со своей любовницей Асей. Оказывается, это он писал письмо о Синявском⁵³. Но не в защиту, а как бы несогласный с ним, но считающий неверным судебное разбирательство. Он писал, что у каждого писателя могут быть минуты творческого кризиса, что Синявского нужно судить судом чести, судом писателей, а иной суд принесет вред государству. Я был с ним не согласен. Он рассуждает логично, но слишком уж все у него подвижники, все Иисусы Христы. Я ему сказал: «Неужели ты думаешь, что эти люди без честолюбия? Неужели им не хочется в историю? И это все ради какой-то прозы». Я согласен с Васькой, что пока прецедентов не было в смысле этой публикации. А мы шумом все повернули в их пользу. Вот теперь приехал Вигорелли в Москву хлопотать за них.

Комарово, **10.6.66.** Вчера приехал Васька. Встретились на его пьесе «Всегда в продаже»⁵⁴. Как это здорово! Блестящая игра ума, тонкость и очень смело. Зал аплодировал долго, не берусь даже сказать сколько, да еще как!

В антракте почти не разговаривали, хотя встретились трогательно. Расцеловались аки братья.

Сказал грустно, что после письма о Синявском его не пускают за границу и что только что он вернулся из поездки в Казань с Китом, который то и дело бросался на борта парохода, так что невольно ждал – вот свалится!

15.6.66. В эти дни к нам в Комарово приезжали Васька Аксенов, Олег Табаков⁵⁵ – артист «Современника», один из самых талантливых в театре, и еще один засранец и прилипала Васькин. Не знаю, за что он его любит, но просто мерзкий человек – и на роже у него это написано.

Встреча прошла стыдно и ужасно. Я напился. Васька меньше. А Олег не пил – у него было что-то с сердцем и он отказывался⁵⁶.

Из-за этого ничего путного и интересного не было. Какая-то бездарная встреча. А после их отъезда вообще было позорно. Я еще выпил... и это было уже скучно.

10.8.66. За этот месяц было немало всего. Опять приезжал Васька. Рассказывал о встрече с Демичевым.

(Без даты, вырезка из «Литературной газеты» вклеена в дневник):

---

⁵⁰ Балтер Б. И. (1919–1974) – прозаик, сценарист, автор «Юности», центральное произведение – повесть «До свидания, мальчики» (1962). Жил в Москве.

⁵¹ Гладилин А. Т. (1935–2018) – писатель. Литературная известность началась в двадцать лет, с повести «Хроника Виктора Подгурского», напечатанной в «Юности». Следующие десять лет не снижал темпа – книги (одна или даже несколько) выходили каждый год. Все обещало прочное положение в советской литературе. Гладилин нашел в себе силы пренебречь открывающимися перспективами, опубликовав в эмигрантском «Посеве» повесть «Прогноз на завтра». Жил в Москве, с 1976 г. – в Париже.

⁵² Рубан В. П. – в 1962–1966 гг. главный врач Вологодской областной клинической больницы, о котором отец написал очерк для «Известий».

⁵³ Аксенов присутствовал на суде над А. Синявским и Ю. Даниэлем. «После этого я пришел в ЦДЛ, – говорит он в интервью, – где ждали друзья, и мы немедленно пошли с Владимовым и Гладилиным писать возмущенное письмо – почему-то в «Леттр Франсез»...» («Независимая газета», 13.10.2005). Владимов Г. Н. (1931–2003) – писатель, жил в Москве, с 1983 г. – в Германии.

⁵⁴ Постановка О. Ефремова (театр «Современник», 1964).

⁵⁵ Табаков О. П. (1935–2018) – актер театра и кино. В спектакле по пьесе Аксенова «Всегда в продаже» играл женскую роль Буфетчицы.

⁵⁶ В 1964 г., в возрасте двадцати девяти лет, Табаков пережил инфаркт.

Хроника клуба «Д.С».⁵⁷ Администрация «Клуба 12 стульев» с удовлетворением сообщает, что советский писатель Василий Аксенов получил «Золотого молодого ежа» за рассказ «Сила искусства» на международном конкурсе юмористических и сатирических рассказов «АЛЕКО»... Кроме В. Аксенова, «Золотого молодого ежа» получили: Г. Бёлль (ФРГ, «Мемуары молодого короля»); Л. Ашкенази (ЧССР, «Лебл»), В. Цонев (Болгария, «Озорник Хук»).

18.11.67. Видел Ваську... Опившееся лицо, радости он испытывает не очень много. Жаловался – ничего не печатают, не ставят. Есть две пьесы, которые не идут... Обо мне не спросил... И все-таки были довольны с Фимкой⁵⁸, что повидали его, гуляли – замерзли, еле выбрались в Москву (были у него в Малеевке).

Там, среди аллей, портрет Тургенева. Ниже написано:

– Нет ничего сильнее и беспомощнее слова.

Васька показал пальцем и удивленно сказал:

– А здорово! Со значением.

(Без даты, написано на новогодней открытке; помещено в дневник):

*Ласкиных очень сильно обнимаем и желаем творческих экстазов и успехов по венеринному делу*⁵⁹. Kiss-kiss-kiss Аксеновы.

21.4.70. Вчера встретился с Васькой. Не пьет, не курит, сама добродетель.

Ходили по перрону, солидно говорили о делах. Все это так мало похоже на грешного Аксенова.

Говорит:

– Бёлль⁶⁰ приезжал. Встречались осколки новой волны. Евтушенко, Белла⁶¹, я. Бёлль очень мягкий человек. Много раз пил за Солженицына. Вот человек, который не подличал никогда, а всем нам в разной мере приходилось.

Эту же мысль он выразил в статье об истинной свободе.

Говорил о своем романе. Где-то с грустью, иногда мягко, с надеждой.

– Про то, что я не член редколлегии, я узнал от секретарши⁶².

О Кузнецове⁶³:

– Сексуальный маньяк... Дома – оргии, и КГБ это засебло.

...Из Васькиных историй.

Солженицына спросили, как он живет.

– Хорошо. Могу писать.

– Но печататься?

– Это же временно не печатают.

⁵⁷ С 1967 г. юмористическая – шестнадцатая – страница «Литературной газеты» выходила под шапкой: «Клуб „12 стульев“».

⁵⁸ См. примеч. 2 на с. 27.

⁵⁹ Возможно, читатель уже подумал черт знает о чем, но объяснение этой фразы очень простое – моя мать работала врачом кожно-венерологического диспансера.

⁶⁰ Немецкий писатель Г. Бёлль семь раз приезжал в Россию – в том числе и в 1970 г. Поддерживал отношения со многими советскими литераторами, переводчиками, художниками – как официальными, так и неофициальными.

⁶¹ Б. Ахмадулина.

⁶² В 1962–1969 гг. Аксенов был членом редколлегии журнала «Юность».

⁶³ Кузнецов А. В. (1929–1979) – писатель. В течение двух лет немецкой оккупации Киева вел дневник, легший в основу самого известного его произведения «Бабий Яр» (1966). До эмиграции жил двойной жизнью, хотя иногда срывался: так, сперва вышел из комсомола, а затем вступил опять. Занимал официальные должности – был ответственным секретарем, заместителем секретаря парторганизации Тульского отделения Союза писателей. В 1969 г. поехал в творческую командировку в Лондон и стал невозвращенцем. Жил в Киеве, Туле, в Лондоне. В 2009 г. в Киеве открыт памятник писателю.

13.10.70. Приезжал Аксенов. Грустен был. Ходили по осеннему Питеру, гребли ногами вороха листьев.

Не пьет. Угнетен. Нет, сказал, друзей в Москве, одни собутыльники...

Выступает 2 дня с юморесками – и нет аплодисментов.

Слабо, сам чувствует. Я его не отговаривал, не утешал – Фред тоже.

Пишет понемногу новую книгу.

– О чем?

С улыбкой:

– Это мой нобелевский роман (более поздняя приписка – «Ожог». – А. Л.).

Это все потому, что Солженицын получил премию⁶⁴.

Были в ресторане. Он, Аксенов, не как обычно, пил квас со льдом, говорил тихо, пили за премию.

Был шут гороховый Рейн⁶⁵. Типичная богема, фрондер, пустобрех. А без него хорошо нам стало.

16.4.71. Был и даже жил у меня Васька. Читал свой «нобелевский», как он еще в Москве сказал, роман. Интересно.

6.6.71. Дорогой Вася! Находясь в гостинице «Одон» в городе Улан-Удэ (Верхнеудинск в прошлом) и будучи в полном сознании, хочу поздравить тебя с хорошим романом, который я только что дочитал до конца⁶⁶.

Поверь, говорю это с радостью, ибо не верил в удачу и боялся его читать. Подозреваю, что это самая лучшая твоя вещь. Пойми верно. И «Звездный» я люблю, и «Коллеги», но это более зрелая вещь, настоящий роман. Но, главное, это точно и умно написано, с ясным смыслом – вот они, романтики, самоубийцы 1905 года, ожидающие бури, а потом, потом...

Ах, милый мой Аксенов, вот теперь бы поговорить с тобой, а потом все забудется, и сказать – не скажешь.

Обнимаю тебя крепко. Все, как известно, проистекает от невежества. Ругают те, кто не читал. Я был почти с теми (в мыслях). Извини. Твой Сеня Ласкин.

20.5.75. Был вечер встречи – мне, врачу, 20 лет. Приехал В. Аксенов, ночевал у меня. Было весело...

25.9.75. Аксенов написал американские заметки⁶⁷. Это очень хорошо. Глубоко и неожиданно. И все же это лучший сейчас прозаик. Ах, если бы ему писать то, что хочется, он не делал бы кинокартин и не писал бы глупых детских книжек.

30.12.75. (Вклеено в дневник. – А. Л.) *Дорогой Сенька! Я несколько раз звонил тебе, и всякий раз вздыхал с облегчением – потому что страшно дозвониться и узнать то, что Кира мне передала с твоих слов не очень вразумительно о кошмаре с Мишей⁶⁸. Тем не менее, надо все знать, и я прошу тебя написать мне, что с ним случилось. Есть ли у тебя адрес и телефон Лиды?*

В Рождественские дни, когда думаешь об этих жутких игрищах судьбы, еще тише просишь у Бога помощи для нас, бедных людей.

Желаю тебе, Сенечка, и Оле, и Саше хорошего творческого духа и телесной крепости.

Ваш старый друг Вася.

Переделкино

---

⁶⁴ Встреча с Аксеновым состоялась через три дня после присуждения Нобелевской премии А. Солженицыну.

⁶⁵ Рейн Е. Б. (род. 1935) – поэт. Жил в Ленинграде, с 1971 г. – в Москве.

⁶⁶ Впервые роман опубликован в журнале «Юность» (1971, № 3–5).

⁶⁷ Имеется в виду повесть «Поиски жанра» (написана в 1972-м, опубликована в 1978-м), которую отец читал в рукописи.

⁶⁸ См. примеч. 2 на с. 16.

22.8.77. ... Почитываю Ваську Аксенова, удивляюсь его таланту и раздумываю о завтрашнем дне.

25.8.77. Прочитал детскую книгу В. Аксенова⁶⁹. Удивительная словесная окрошка и задуривание... Читаешь и понимаешь, что все это – слова, слова и обман беспрецедентный.

16.11.78. Прочитал «Регтайм»⁷⁰. Васька – гигант. Счастлив, что у меня есть такие друзья!

28.4.79. Не еду в Англию. Закрыли визу. Странно. Возможно, это связано с Аксеновым. Но вообще что-либо объяснить совершенно невозможно. Теряюсь в догадках.

18.4.80. Васька 8.4 подал заявление на выезд. Он едет (вероятно) в Париж, дальше будет читать лекции в западных университетах. В феврале он был исключен из Союза кинематографистов. Сейчас в Италии вышел в издательстве «Мондадори» его «Ожог», 500 стр. (поздние шестидесятые, ранние семидесятые). О романе говорят – это самое глубокое произведение последних лет, выдвигающее Аксенова на первое место в литературе, рядом с Битовым⁷¹ и Сашей Соколовым⁷², его книгой «Между собакой и волком». Ваське 47 лет. Мы очень мало виделись последние годы, а душа, душа болит.

29.6.80. Фред был у Васьки Аксенова, которого теперь все «патриоты» называют Гинзбургом. И не иначе.

Васька уезжает. Купил дом за 35 тыс. для сына, дача какого-то маршала в Переделкино. Дома – иностранцы, Белла Ахмадулина с Борисом Мессерером. И жена Майка⁷³, которой, как Васька сказал, он обязан жизнью.

Много говорили обо мне. Он сказал: «Сене этого романа («Ожога») не понять. Он этого не пережил⁷⁴».

Рад был Фреду, прислал пьесы и книжку с трогательной – религиозной – подписью.

Молился истово, ставил свечки – как много изменилось за эти 25 лет!⁷⁵

Вот она, моя молодость, мой лицей.

24.7.80. Уехал Васька с женой Майей, с ее дочкой, зятем и внуком. Целый кортеж. Что-то кончилось сразу, отпал целый пласт и моей жизни, как все странно – и даже невероятно!

19.10.81. Ст. Рассадин о Васе. Он признает только рассказы, могла быть одна хорошая книга. Но вся его проза третична. Он не русский писатель, его традиция – Апдайк, Олби. Рассадин очень высоко ставит Войновича. Особенно первую часть Чонкина и «Иванкиаду». О Битове без интереса – худой Набоков, старательный, предельно-сучный... Высоко о Гор-

⁶⁹ Речь о книге «Сундучок, в котором что-то стучит» (М., 1976).

⁷⁰ Роман Э. Л. Доктору «Регтайм» в переводе Аксенова опубликован в журнале «Иностранная литература» (1978, № 9–10).

⁷¹ Битов А. Г. (1937–2018) – писатель. Привел в современную литературу думающих персонажей и размышляющего лирического героя. Все они напряженно решают разные – в том числе и глобальные – вопросы. Родился в ленинградской коммунальной квартире, которую составляли представители одной потомственной интеллигентной семьи. Дальнейшую жизнь во многом определило существование на несколько городов (Ленинград-Петербург и Москва, затем прибавилась граница, где он подолгу бывал). Столь же экстерриториальной была и литературная ситуация: еще при советской власти стал публиковаться на Западе (в 1978 г. в американском издательстве «Ардис» вышел роман «Пушкинский дом»).

⁷² Соколов Саша (наст. имя – А. В. Соколов) (род. 1943) – писатель. Наиболее творческими оказались 1970–1980 гг., когда, по сути, он написал все, что составило его известность. Из трех книг («Школа для дураков», «Между собакой и волком», «Палисандрия») самым совершенным остается дебютный роман, заслуживший похвалу В. Набокова. Родился в Канаде, жил в Москве, Австрии и Америке, которым предпочел Канаду, где окончательно поселился в 1977 г. Упоминание романа «Между собакой и волком» связано с публикацией книги на Западе в том же 1980 году, что и аксеновский «Ожог».

⁷³ Кармен (Змеул) М. А. (1930–2014) – вторая жена Аксенова.

⁷⁴ Возможно, Аксенов не забыл – и не простил – письма, посвященного роману «Любовь к электричеству», который отец назвал «„лучшей“ его „вещью“» (запись от 6.6.71).

⁷⁵ Ф. Скаковский так дополняет запись в дневнике: «Вася посадил меня в свою «Волгу», и мы поехали. «Сейчас, – сказал он, – я представлю тебе свидетельство близкого краха советской власти». Мы остановились около переделкинской церкви, вышли из машины и вошли в храм. «Посмотри, какие мамки, – сказал Аксенов, показывая на совсем юных девушек среди молящихся. – Это и есть наше будущее». Потом мы с Семеном удивлялись его пафосу, но что было, то было». (Запись разговора с Ф. Скаковским по скайпу от 15.1.17.)

дине⁷⁶ – как о мозге... Отсутствие русской традиции снижает Васькину перспективу... Пока его доход – мать⁷⁷.

17.12.82. Какого Ваську я вспоминаю? На Ракова. Он лежит на моем диване у окна, говорит о своей статье о Сэлинджере.

– «Он смотрит на мир еврейским глазом».

– Ты так и написал?

– Так.

Что-то странное, невероятное в этом, революция прямо.

Он, Васька, внешне вполне домашний, обычный, ничего в нем вроде непонятного, но где, где все это вмещается? Почему я не могу его понять?

Да, он – талант, вот в чем дело, большой талант.

1.1.84. У Аксенова в «Катапульте» (замечательный рассказ!): «Человек мечтал когда-то уподобиться птице, а превратился в реактивный снаряд». Это все о современном мире! Как точно!

27.9.84. Прочитал «Машеньку»⁷⁸. Удивительный по тонкости роман. Какая тоска по земле своей, какая оторванность от нее, какая сила любви.

Роман наоборот, роман оттуда. Убеждает, что именно эти любили Россию, и их любовь умирает вместе с ними.

Была ли Россия у «новой волны», у Васьки и пр.? Нет, мне кажется, эти уже ехали за другим, от неприятого, нелюбимого, от *ничего*.

У Ганина⁷⁹ был дом, большой и нематериальный дом, его дух.

Эти зовут к себе, приглашают на лучшее, те лучшего не знали, лучшее было их прошлым.

10.5.86.... Вспоминаю Аксенова, он шутил:

– Что-то давно меня не ругали.

Может, он был прав, так и нужно.

6.8.86. А на улице гудит мир. Мамлеев в Комиздате – зам. министра⁸⁰, Залыгин в «Новом мире», Бакланов в «Знамени». Юра Андреев, поговаривают, идет в Пуш. дом⁸¹, где давно передрались все пауки. Ах, если бы Васька был здесь, все для него было бы прекрасно.

26.3.89. Марк Розовский⁸², с которым я отдыхаю, рассказал о Ваське – он не верит, что это у нас надолго. Потом Марк вспомнил анекдот:

Журналист (подносит рабочему микрофон):

– Антисемитизм у вас есть?

Рабочий (со вздохом):

⁷⁶ Гордин Я. А. (род. 1935) – историк, публицист. Живет в Петербурге.

⁷⁷ Вот комментарий с противоположной стороны: «...у нас с ним (Рассадиным. – А. Л.) возник короткий период довольно бурной и довольно пьяной дружбы, сменившийся многолетним периодом прохладного приятельства». (Аксенов В. Юность бальзаковского возраста. Воспоминания под гитару. Октябрь. 2013. № 8.)

⁷⁸ «Машенька» – первый роман Набокова (1926).

⁷⁹ Главный герой «Машеньки» – эмигрант, обитатель русского пансиона в Берлине.

⁸⁰ Мамлеев Д. Ф. (1929–2012) – журналист, в разные годы занимал должности заместителя главного редактора «Известий», заместителя председателя Госкомпечати СССР, председателя правления «Фонда мира». Товарищ юности отца по ленинградской «Смене», с которой оба сотрудничали.

⁸¹ Андреев Ю. А. (1930–2009) – доктор филологических наук, в это время – заместитель директора Пушкинского дома по науке. В материалах, посвященных «Клубу-81» и бардовской песне (в первом случае он был куратором от Союза писателей, а во втором – ценителем и исследователем), приводятся данные о связях Андреева с КГБ. К этим аргументам могу прибавить один штрих. Помню совещание в ленинградском Управлении культуры в начале 1980-х гг., на котором я должен был присутствовать как завлит Молодежного театра. Свое выступление Андреев начал так: «Недавно я читал лекцию нашим товарищам в Комитете государственной безопасности...» Слух о назначении Андреева на должность директора Пушкинского дома не подтвердился. Жил в Ленинграде-Петербурге.

⁸² Розовский М. Г. (род. 1937) – режиссер, драматург, сценарист, композитор, прозаик, поэт. Главный режиссер московского театра «У Никитских ворот».

– Ни хрена у нас нет.

24.11.89. Москва. Сегодня удивительный день – встречи с Аксеновым. Днем я и Фред увидели его в «Юности» очень коротко – с нас Таня Бобрынина⁸³ взяла слово: «не больше минуты!» – обнялись, поцеловались, ахнули. И договорились увидеться на спектакле Табакова: «Затоваренная бочкотара»⁸⁴.

Пришли втроем – Фимка, Фред, я.

Васька исчез, поговорили с Китом (Алексеем) – огромный, двухметровый красавец, с добрым «киркиным» лицом – больше семит, чем русский. Милый, разговорчивый человек. Сказал, что были у деда, которому 91 год. Все нормально, но иногда вырубается в разговоре. Сказал, что Васька взят в оборот, интервью на даче у Рыбакова⁸⁵, у себя в Переделкино, у Юлика Эддиса⁸⁶ (сегодня в 12), а вечером «Крутой маршрут» в «Современнике».

«Бочкотара» был спектакль-праздник. Во-первых, действительно хорошо. Очень! Весело, остро – настоящий театр. И очень современно.

А в финале – замечательно-теплые слова Табакова.

– Вот, Вася, видишь – настоящая литература и через двадцать лет живет. Теперь ты понимаешь, что такой ярый антисоветчик – а мы тебя любим. И что получилось – от недоучившегося доктора...

– Как недоучившегося! – сказал Васька. – Тут мой однокурсник, он подтвердит...

Потом Васька сказал о «Бочкотаре»:

– Это настоящая аграрная литература, что это они там возражают. Жаль, Белова⁸⁷ не было...

Смешно получилось, когда Ваську стали вызывать, а он пошел к сцене по скамейкам.

А декорации – это поролоновые надолбы, бесформенная, укрытая (как бы) бочкотара. И он прыгнул на нее. Его подхватили и стали бросать в воздух.

Был посол Мэтлок⁸⁸, было много дипломатов.

И еще Олег сказал:

– Ты теперь видишь, Вася, что, когда тебя там в Америке по цензурным соображениям ставить не будут, мы тут с удовольствием... И вообще, что там техасщина, айовщина, саратовщина – давай сюда, мы с удовольствием...

25.11.89. Посмотрели «Крутой маршрут»⁸⁹. Васька сказал: «Смотреть чудовищно тяжело». Но и не только, думаю, оттого, что сын. Спектакль физиологичен и труден, какая-то тяжесть от криков, стенаний, боли пронизывает тебя не как в художественном произведении, а как при прижигании папиросой. А тут еще ждешь, что героиня – Неёлова⁹⁰ – крикнет: «Вася!»

Поговорить не удалось. О капустнике ничего не сказал⁹¹, ушли тихо, не хотелось настырничать.

Утром сегодня помчались на аэродром проводить, но тут получилось лучше: они с Майей проходили таможеню. Я увидел телекамеры, испуганно крикнул: «Это вы снимаете Аксенова? Он уже прошел?» Оказалось, Васька за моей спиной. Снова прощались. Сфотографировались, я передал ему письмо, в котором сказал, что хотел: он все эти годы много для нас (для меня) значил.

⁸³ Бобрынина Т. В. – в конце 1980-х гг. заведующая отделом прозы журнала «Юность».

⁸⁴ Постановка Е. Каменьковича (театр-студия п/р О. Табакова, 1989).

⁸⁵ Дача А. Рыбакова (1911–1998) тоже находилась в Переделкино.

⁸⁶ Эддис Ю. Ф. (1929–2009) – драматург, прозаик, киносценарист. Жил в Москве.

⁸⁷ Белов В. И. (1932–2012) – писатель-деревенщик. Жил в Вологде.

⁸⁸ Мэтлок Д. (род. 1929) – посол США в СССР в 1987–1991 гг.

⁸⁹ Постановка Г. Волчек (театр «Современник», 1989).

⁹⁰ Роль Евгении Семеновны Гинзбург сыграла М. Неёлова.

⁹¹ Как видно, артисты подготовили капустник, который был показан после спектакля.

- Приедешь в Ленинград?
- Хочу, если там останутся русскоязычные.

Он пошутил. Сейчас образовалось общество «Единение» – они считают, что все в Ленинграде захватили евреи. Глава – Сергей Воронин, но там Марк Любомудров, Юван Шесталов⁹²... Две как бы группы – «русские» и «русскоязычные», то есть евреи...

28.11.89. Сегодня уезжаю из Москвы. Сiju в «Украине», гляжу в окно – прекрасный номер, замечательная поездка.

Встречи с Васькой не очень-то значительны, но все же приятны. Поговорить так и не удалось. Вручили конверты с письмами⁹³, я сделал две ошибки, долго поколебавшись в правописании. Обидно.

Поцеловал Майе руку, сказал:

- Я – Сеня Ласкин.
- А! Это вы? Знаю, знаю...

Табаков сказал:

- Мазаль тов!⁹⁴

18.6.91. Я подошел к Александру Межирову, спросил о строчках его замечательного стихотворения, посвященного внучке.

...Зато родной и близкий на звонок
Ответил, что принять ее не сможет
И даже добрым словом не помог:
– Тебе – в борьбе – ВКПБе поможет.
– В борьбе?! – В борьбе. – За что?!
– За выживанье,
За мани-мани. Ты не в Теплом стане⁹⁵.

Это Васька. И это пугает меня, если в сентябре буду в Америке. Был щедрый и очень добрый.

Правда, у Александра Петровича был конфликт. Они гуляли, и Васька попросил Межирова прочитать «Артиллерия бьет по своим». Это классика... Межиров прочитал. В. сказал, что это стихотворение полно аллюзий, идет борьба, на что он намекает.

М. сказал, что оно такое как есть. А если В. говорит о своей правозащитной деятельности, то он, М., видит в этом гапоновщину⁹⁶. Они расстались.

М. считает В. жестким по отношению к матери. Он незадолго до ее смерти снял ей комнату в Переделкино в коммуналке. А я думаю, что, может, и снял в коммуналке, то только

---

⁹² Неточно: общество называлось «Содружество». Оно было организовано в составе Союза писателей РФ. С. Воронин (1913–2002) – прозаик, М. Любомудров (род. 1932) – театровед, Ю. Шесталов (1937–2011) – поэт.

⁹³ Спутники отца тоже заготовили свои письма. Ф. Скаковский рассказывает, что он напомнил Аксенову об их разговоре в Переделкино в 1980 г. «У меня нет ощущения, что я уезжаю навсегда, – говорил он тогда. – Думаю, и мы будем приезжать, и вы к нам». «Вот видишь, – сказал ему Скаковский, – так и получилось» (Запись разговора с Ф. Скаковским по скайпу от 15.1.17.)

⁹⁴ Фраза на идиш, используемая при радостных событиях.

⁹⁵ Стихотворение посвящено внучке Межирова Анне, которая вышла замуж за американца и уехала в США.

⁹⁶ Мысль о том, что, участвуя в «Метрополе», Аксенов готовил свой отъезд на Запад, высказывалась самыми разными людьми – от первого секретаря московской писательской организации Ф. Кузнецова до одного из составителей альманаха В. Ерофеева. «„Не скрывая радости, – пишет Ерофеев в эссе «Великолепное предательство», – Аксенов сказал, что Кузнецов согласился на условия и заверил, что ему разрешат уехать“. – „Что же удивительного в том, что он согласился? – вымолвил я. – Ведь он на каждом перекрестке кричал, что ты делаешь «Метрополь», чтобы свалить“. Аксенов сделал вид, что не очень понимает, о чем я».

для того, чтобы она была не одна. Я знал очень щедрого Васю, очень. Ну, поглядим, если мне придется его увидеть в Вашингтоне.⁹⁷

---

⁹⁷ Поездка в Америку не состоялась.

Глава вторая

«...Значительнее Ильи у меня никого не было» (Илья Авербах)

Илья Александрович Авербах (1934–1986) как-то сказал: «Я дружу с теми, с кем меня сводит судьба». Так возникали его дружбы – вроде как не по его воле, а по велению высших сил. С моим отцом он подружился в пятьдесят девятом году на военных сборах в Таллинне. Будущий кинорежиссер и будущий писатель только закончили Первый мед и имели звание младших лейтенантов запаса.

Вскоре стало ясно, что тут тоже существовала предопределенность. Об этом говорит то, что с течением времени отец все больше нуждался в приятеле. Впрочем, без него не могли обойтись многие. Выходило так, что в любых спорах и ситуациях арбитром становился именно он.

Поэтому Илья Александрович отцу казался старшим – хотя он прекрасно знал, что тот на четыре года его моложе (запись от **14.1.86**). Видно, дело не в возрасте, а в ощущении своего права. В способности отличить правду от кривды и объяснить это другим.

Некоторые дружбы делают жизнь проще. Вот чего тут точно не было! Кому-то не нравилось, что Авербах знает и понимает больше всех, и они сходили с дистанции. Думаю, отцу тоже приходилось непросто, но он не роптал. Даже наедине с собой (то есть – в дневниковых записях) с ним соглашался.

Думаете, это вождизм? Конечно, занятие режиссурой некоторый вождизм предполагает. Чтобы снимать кино, следует увлечь оператора, актеров, ассистентов, администраторов... Если все они ощутят себя сотворцами, то тогда что-то получится.

Итак, профессия в данном случае становилась характером. Или, возможно, характер – профессией. Люди этой породы вечно недовольны данностью. Они требовательны не только к своей работе, но ко всему, в чем видят несовершенство.

Режиссером Авербах стал до того, как начал снимать кино. Когда его имя впервые появляется в дневнике, ему чуть больше тридцати. За плечами – медицинский диплом и недавно законченные сценарные курсы, но голос звучит уверенно. Почему-то сразу представляется, как он репетирует.

Режиссер ставит конкретные задачи, но имеет в виду нечто большее. Ведь персонаж – это не только другой человек, но и сам актер. Тут не обойтись без того, что Станиславский называл «эмоциональной памятью». Когда исполнитель «вытащит» из себя то, что нужно для роли, то все и случится.

Вряд ли Авербах думал об этом. Возможно, интуитивно чувствовал в себе способность доводить ситуацию до такой точки, когда она окончательно прояснится.

На сей раз результат был удивительный. Отец вроде не рад тому, как его рассказ оценил приятель, а едва не тревожится. Может, неправильно писать так? По крайней мере, пока медицину бросать рано. Если перестанут печатать, то семью он прокормит (запись от **17.4.65**).

А это Авербах «репетирует» с еще одним автором. Говорит (отец использует слово «учит»), что следует «быть стойким, писать в любых условиях...» И опять – реакция самая бурная. Чуть ли не вся жизнь проходит перед глазами (запись от **14.5.65**).

Теперь ясно, что такое режиссура? Это когда подопечный понимает не только тебя, но и себя. Если это происходит, то кино выходит особенное. С неизменным вторым смыслом. Кажется, герои заняты повседневным, а на самом деле на кону стоит их судьба.

Вот что главное в его картинах. Вроде обычные истории, и в то же время – пространство Самых Важных Решений. Впрочем, это ему удавалось не только на экране. Он мог просто сидеть, курить трубку, что-то комментировать, а обыденности как не бывало.

Почему при жизни приятеля отец оставил о нем свидетельств куда меньше, чем о В. Аксенове или о Г. Горе?⁹⁸ Возможно, это связано с вышеуказанными обстоятельствами. Всякий раз это был не разговор о том о сем, а едва ли не экзамен. Если даже он его сдавал, то отчитываться не спешил.

Зато после страшного одиннадцатого января семьдесят шестого года, когда не стало Ильи Александровича, отец почувствовал острую потребность вспомнить о нем. Теперь он обращается к дневнику не только в связи с текущими событиями, но для того, чтобы рассказать о друге.

Прежде чем вы прочтете эти и другие записи, надо кое-что объяснить. Тем более что в этой дружбе у меня есть своя роль. Пусть это роль второго плана, но для режиссера не существовало иерархии. В его фильмах даже персонажи фона хоть на один кадр становятся героями.

Как уже сказано, Авербах был человеком режиссирующим. Указывающим. Поправляющим. Но и играющим тоже. Наверное, в этом причина того, что он любил карты. Ради бриджа и преферанса не только не спал ночами, но ездил на какие-то соревнования в Эстонию.

Кстати, карты не так далеки от занятий искусством. Во время игры время сгущается. Оно обретает такую плотность, которая возможна только на экране или сцене.

Да и его мечты об «экшене» тоже имеют отношение к азарту игрока. Авербах часто возвращался к истории заключенных, совершающих побег из концлагеря. Не помню, кто должен был играть француза и поляка, но в роли русского он видел Высоцкого. Если бы в восьмидесятом актер не умер, а фильм был бы поставлен, то какая это была бы работа! Тут актер рассказал бы о том, что такое рваться «из всех сухожилий».

Когда «экшен» происходил в жизни, это тоже не оставляло Илью Александровича равнодушным. Например, Никита Михалков между съемками другого фильма поставил «Пять вечеров». Заняло это меньше месяца. Дневник зафиксировал восторженное: «Американец!» (запись от **11.4.86**). Так он оценил его умение распорядиться временем – и успевать все.

Еще раз повторю: в Авербахе рядом с режиссером существовал актер. А значит, были и роли. Судя по дневнику, еще на таллинских курсах ему понравилось изображать Белого офицера. Чем-то притягивали его эти люди, которые сперва исполняют свой долг, и лишь потом соглашаются погибнуть.

От игры в эстонском «кофике» – прямой путь к задуманной, но не осуществленной «Белой гвардии» (запись от **11.4.86**). Отсюда и дорога к солдатикам, которых коллекционирует герой «Монолога». Вспомним и любимую им песню о бумажном солдате. «Огня! Огня!» – это ведь и о реальных, и об игрушечных воинах, которые под насмешливую музыку О. Каравайчука собираются в поход.

Авербах и в жизни ощущал себя немного белогвардейцем, в чем, по свидетельству Натальи Рязанцевой⁹⁹, честно признался Виктору Некрасову. В киевский дом писателя попадали, как на явочную квартиру, ответив на один, самый важный, вопрос. «Вы белогвардеец?» – спросил Виктор Платонович чуть ли не через дверь, и режиссер ответил: «Да»¹⁰⁰.

Ну а что? Спина прямая, жест решительный... При всей своей демократичности и простоте общения Авербах разрешал себе высокомерие, оправдать которое могут только родови-

⁹⁸ Ленинградский писатель Г. Гор – главный герой третьей главы этой книги.

⁹⁹ Рязанцева Н. Б. (род. 1938) – киносценарист, автор сценариев почти двадцати поставленных фильмов, в том числе – «Личная жизнь Кузьева Валентина» И. Масленникова и Авербаха, «Чужие письма», «Голос» Авербаха. Вторая жена Авербаха. Живет в Москве.

¹⁰⁰ Рязанцева Н. Не случайно, что главной героиней семидесятых стала женщина / Беседовал Д. Быков // Новая газета. 2000. № 1.

тость и высокий чин. Боевые заслуги, наконец. К примеру, он говорил: «Ваше мнение мне неинтересно» – и отворачивался. Демонстративно переключался на что-то другое.

А это еще один пример «взгляда через монокль». Конечно, никакого монокля не существовало, но взгляд был. К нему примешивалось нечто ироническое, словно он говорил: все это не очень серьезно.

Помню, мой любимый институтский преподаватель выступил на обсуждении «Фантазий Фарятьева» и в чем-то усомнился. Упомянув об этом, Авербах сказал:

– Таких людей надо расстреливать.

Только так – коротко и сильно – выражаются поручики. Впрочем, его можно понять. Если пересказывать критику, то дойдешь до понимания и прощения. Какой тогда из него Белый офицер? Даже на Морского волка (об этой роли речь позже) он вряд ли мог бы претендовать.

Поручик – это еще и внутренняя независимость. Право думать так – и не иначе. В связи с этим вспоминаю разговор о Кирилле Лаврове¹⁰¹. Авербах сказал, что займет его в «Объяснении в любви» – и нарвался на ироническую улыбку. Мол, знаем, знаем этого актера. Опять – приятный голос, хорошая выправка, ощущение своего особого положения. Теперь он так играет не только маршалов, но и солдат.

Авербах спорить не стал, а просто поставил собеседника в известность:

– Лавров – прекрасный актер.

Так же спокойно он говорил о Виктории Беломлинской¹⁰². Тут тоже нашлись скептики, скорее всего, ее не читавшие, но он сразу заставил их замолчать.

– Вика пишет замечательные рассказы.

Во время съемок «Объяснения в любви» начался (и вскоре закончился) его роман с популярной иностранной актрисой. Все гонорары уходили на телефонные разговоры. Неизвестно, как бы события развивались дальше, если бы ему не закрыли выезд за границу (запись от **14.10.86**).

Когда он пошел в соответствующий отдел, ему все по-отечески растолковали. Все же талантливому режиссеру следует быть осторожной. Не хотите же вы, чтобы ее муж ударил вас палкой по голове?

Для Белого офицера, которым, как сказано, ощущал себя Авербах, это было двойное унижение. Мало того, что запретили, но сунули нос куда не надо. Он, конечно, понимал, что телефоны прослушиваются, но тут примешивалась забота о клиенте. Вроде как желание облегчить ему жизнь.

Как уже было сказано, у Белого офицера был двойник. Назовем этого героя – Бывалый. Все же моряк! Даже капитан! Трубка, которой режиссер все время попыхивал, очень шла как ему самому, так и этому персонажу.

Однажды Авербах решил познакомиться со студенткой, учившейся на соседнем со мной курсе. Причем представился не режиссером (это было бы слишком просто), а старым морским волком. Он утверждал, что только что с корабля и через день опять уходит в плавание. Барышня (любимое Авербахом слово) едва сдерживала себя, чтобы не спросить о том, что он сейчас снимает.

Так – играя то в одно, то в другое, а то и просто в карты – Авербах отдыхал от кинематографа. Впрочем, самой большой радостью он называл возможность прийти домой, растянуться на диване, включить торшер – и читать.

---

¹⁰¹ Лавров К. Ю. (1925–2007) – актер театра и кино, один из самых известных актеров Большого драматического театра эпохи Товстоногова. В 1989 г., после смерти Товстоногова, был избран труппой художественным руководителем БДТ – и до конца жизни возглавлял этот театр.

¹⁰² Беломлинская В. И. (1937–2008) – писатель (псевдоним – Виктория Платова), наиболее известен цикл ее рассказов «Роальд и Флора» (1999). Жена художника М. Беломлинского. Жила в Ленинграде, с 1989 г. – в США.

Читал Авербах постоянно. Причем явно опережал в этом друзей. Едва ли не одним из первых оценил Фридриха Горенштейна¹⁰³. Восхищался его романом «Псалом». О спорах писателя с Достоевским говорил так:

– Я прямо вижу, как он – клок за клоком – сдирает с Достоевского бороду.

Так отец и их общий приятель Фридрих Скаковский слышали о Горенштейне. А вот о таком явлении, как Бродский, от Авербаха узнали отец и я. Случилось это во время разговора в его машине. Уже не помню, куда мы ехали, но один момент запечатлелся точно. Могу даже назвать место, где «Жигули» остановились на зеленый свет. Это был угол Садовой и Ракова. Тут-то он и сказал, что получил на несколько дней том машинописного собрания сочинений Бродского. Мы вяло поинтересовались: «Ну как?», а он сказал, что это великий поэт.

Никогда прежде я такого о Бродском не слышал. О суде и ссылке разговоры доходили, но чтобы кто-то называл его великим! Да и вообще, о современниках в таком тоне не говорят. Вот если бы он жил в начале двадцатого, а еще лучше – в девятнадцатом веке, то это бы никого не удивило.

Одно время Авербах был увлечен Анатолием Кимом¹⁰⁴. Всем советовал читать его «Луковое поле». Утверждал, что это очень хорошо написано: «Может, два-три лишних слова на страницу есть, но не больше».

Или он говорил о том, как оказался в гостях, где весь вечер стол «держал» Радзинский¹⁰⁵. Тогда это был не человек из телевизора, а только известный драматург. Впрочем, его экранное будущее Авербах угадал. «Эдик – гениальный рассказчик», – таковы точные его слова.

Следует упомянуть о внешнем облике. Тут тоже чувствовалась режиссура. Вспомним вечную сумку на плече, в которой якобы ничего не было (запись от **14.10.86**). Не забудем трубку и модные свитера. Конечно, этот имидж создал он сам, но тут была предыстория.

Представьте его отца, Александра Леоновича¹⁰⁶, выпускника коммерческого училища, сына председателя Рыбинской еврейской общины, чья жизнь кардинально меняется. Он приезжает в Ленинград, женится на актрисе Тамаре Глебовой¹⁰⁷ и знакомится с приятелями ее сестры – художницы Татьяны¹⁰⁸. Вот вся компания на картине «Дом в разрезе», написанной Глебовой и Алисой Порет¹⁰⁹. Тут и Филонов, и Хармс, и Олейников, и Юдина... А это сам Александр Леонович. В уютном халате – совсем по-домашнему – он сидит во главе стола¹¹⁰.

¹⁰³ Горенштейн Ф. Н. (1932–2002) – писатель, сценарист, драматург, автор романов «Псалом», «Место», сценариев фильмов «Солярис», «Раба любви». Жил в Москве, с 1980 г. – в Германии.

¹⁰⁴ Ким А. А. (род. 1939) – прозаик, автор романов «Белка», «Отец-лес», «Сбор грибов под музыку Баха» и др. Живет в Москве.

¹⁰⁵ Радзинский Э. С. (род. 1936) – драматург, сценарист, телеведущий, автор пьес, известных по постановкам А. Эфроса и Г. Товстоногова. Живет в Москве.

¹⁰⁶ Авербах А. Л. (1896–1966) – отец И. Авербаха. Сын богатого волжского судовладельца из Рыбинска. Знал языки, классическую литературу, играл на разных музыкальных инструментах. Окончил экономический факультет Ленинградского технологического института, инженер, работал на руководящих должностях. В юности играл в любительских спектаклях, затем пробовал себя в качестве актера на сцене Большого драматического театра в Ленинграде. Вторым браком женат на К. В. Куракиной (см. примеч. 6 на с. 59).

¹⁰⁷ Глебова Т. А. (1894–1944) – актриса, танцовщица и теоретик свободного танца. В молодости брала уроки у Айседоры Дункан. Вторым браком была замужем за А. Авербахом.

¹⁰⁸ Глебова Т. Н. (1900–1985) – художница, ученица П. Филонова, жена и соратник В. Стерлигова. В 1925 г. обратилась к Филонову с просьбой принять ее в ученицы, в следующем году начала работать под его руководством. В 1927 г. вместе с коллективом «Мастеров аналитического искусства» оформляла Дом печати, а в 1932 г. участвовала в работе над иллюстрациями к «Калевале». Сотрудничала с детскими журналами «Чиж» и «Еж». В 1927–1933 гг. жила в родительском доме своей приятельницы художницы А. Порет на Международном (Московском) проспекте в Ленинграде – одном из важнейших адресов творческих встреч этого времени.

¹⁰⁹ Порет А. И. (1902–1984) – художница, ученица К. Петрова-Водкина и Филонова. С 1926 года – член-учредитель объединения «Круг художников». Участвовала в коллективных акциях филоновцев – в том числе в работе над иллюстрациями к «Калевале» (М.; Л., 1932). Сотрудничала с детскими журналами «Чиж» и «Еж».

¹¹⁰ На полотне «Дом в разрезе», созданном Т. Глебовой и А. Порет в 1931 г., изображен дом недалеко от ленинградской Сенной площади. «„Разрез“ нашего дома, – писал Филонов, – ... представляет чуть ли не все квартиры... дома и характеристику

Всякий, кто писал об Авербахе-режиссере, непременно упоминал о его принадлежности к петербургской культуре. Остается уточнить, что речь не обо всей культуре, а об одной ее ветви. Прежде всего – через отца и его окружение – он чувствовал причастность к тому искусству, которое творили гости и обитатели «Дома в разрезе».

Еще на таллиннских курсах Илья Александрович удивлял друзей любовью к раннему Заболоцкому и поэзии обэриутов. Никто из его сверстников-медиков этого не знал, а он наизусть читал Хармса, Введенского, «Столбцы».

Можно считать, что его трубка, свитера и сумка – наследники по прямой хармсовского котелка и монокля, серой мягкой шляпы и кашне Шостаковича, тонкой кизиловой трости юного Козинцева. Окажись Авербах рядом с ними, он выглядел бы как «свой». Не только потому, что это тот же уровень, но из-за того, что тут была игра.

Случалось, Илья Александрович ничего не изображал. Тогда он говорил очень серьезно – словно не окружающим, а себе.

– Человек, увидевший, что может возникнуть из пучка света, – как-то сказал он, – навсегда заболевает этим искусством.

Или, к примеру, укорял отца и Фреда Скаковского:

– Как вы можете так несерьезно говорить о кино!

Вот мы и перешли к немного другому Авербаху. К человеку, удивлявшему не столько поэзией и жестом, сколько поступками. Вернее, внутренним соответствием того и другого.

В дневнике есть два подтверждающих это примера – в первом случае он защищает приятеля, а во втором себя. Буквально вскипает от того, что человека помещают в рамки – и заранее определяют его роль.

Несправедливо, когда тебя считают врачом – и только врачом (запись от **6.3.86**). Столь же обидно, когда ты – режиссер, но этого оказывается недостаточно для того, чтобы покупать хорошие книги (запись от **14.4.86**).

Отсюда и доходящая до мании щепетильность. В конечном счете, речь о том, что имел в виду Арсений Тарковский, сказавший, что «точная рифма – это моральная категория». Мол, если речь о чем-то важном, то изволь не рифмовать кровь с любовью. Или, к примеру, не ложись на диван, положив ноги на подушку.

Так делала героиня спектакля ленинградского театра Комедии по отцовской пьесе «Акселераты»¹¹¹. Правда, происходило это ближе ко второму действию. Поэтому поначалу Авербах был настроен благодушно. Сидя рядом с автором, с интересом смотрел, часто смеялся. Как вдруг такое! Это было все равно что неправильное ударение в слове «творог».

С этими ударениями – особая история. Тут его вообще ничего не сдерживало. Русский язык он защищал так же, как белый офицер свой плацдарм. Или как белый офицер – родную речь.

Словом – повторим еще раз! – «неточная рифма – это моральная категория». Как и неправильная мизансцена, сомнительный поступок, ошибка произношения. Сталкиваясь с чем-то подобным, Илья Александрович сразу взрывался.

Все, что строго запрещалось его друзьям и знакомым, разрешалось героям его фильмов. Нет, в слове «творог» они ставили правильное ударение, но нормативности сопротивлялись. Скандалили, некрасиво размазывали слезы по лицу. Если бы кто-то положил ноги на подушку, то это бы соответствовало температуре кадра.

Кажется, Авербах рассчитывал на эти пики. Точно знал, что, пройдя через них, герои заново осознают себя.

их жильцов, живущих как в норах». «Разрезан» был не только дом на картине, но и сам холст – он был обнаружен в виде трех фрагментов (четвертый в нижней части оказался утрачен). В настоящее время хранится в Ярославском художественном музее.

¹¹¹ В октябре 1982 г. Л. Лемке поставил «Акселератов» в ленинградском Театре комедии.

К примеру, в начале «Монолога» академик Сретенский – человек достойный, но как бы остановившийся. Пребывающий в футляре одинаковых интонаций и оборотов речи. Вскоре жизнь поворачивается так, что он просто не может не измениться.

Или учительница в «Чужих письмах». Еще одна учительница в «Фарятьеве». Внучка Сретенского в «Монологе». Выходило, что каждая из героинь оказывалась больше самой себя. Поплакала, покричала – и себя не узнала.

Как это может быть: дидактичность, шаг в сторону – расстрел, – и интерес к нарушению правил. Да так и возможно – это было в нем самом. С одной стороны, джентльмен (потому так шла ему трубка), и в то же время – человек с «желваками на скулах... с обрывистой речью» (запись от **16.8.63**).

Говорите, «квадратура круга»? Думаю, для Авербаха все шло. Ведь это вроде как у Лермонтова: «И царствует в душе какой-то холод тайный, / Когда огонь кипит в крови»¹¹². Что соответствует выражению «сдержанная страсть» – именно так охарактеризовал его фильмы отец (запись от **20.7.86**).

Если зашла о речь внутренней тонкости (включающей в себя чуткость к мелочам), то следует сказать о музыке. А уж раз мы вспомнили о музыке, то надо назвать самого важного для него композитора – Олега Каравайчука¹¹³.

Эта история позволяет не только живо представить Авербаха и его соавтора, но кое о чем пожалеть. Сколько раз Илья Александрович поправлял, вносил ясность, объяснял подлинный смысл! Так вот даже он – самый требовательный и справедливый, режиссер не только кино, но самой жизни – мог ошибаться.

Сперва, впрочем, о Каравайчуке. Композитор был не просто странным, он был инопланетянином. Будучи не таким, как все, и ничуть этого не скрывая, он в то же время вел себя чуть ли не церемонно.

Родители снимали комнату в Комарово недалеко от его дачи, и поэтому каждое лето я наблюдал этот спектакль. Сперва поклон, затем вздернутый подбородок и, наконец, улыбка... Он вроде как отрывался от звучащей внутри музыки, а потом вновь в нее погружался.

Носил Каравайчук одно и то же – длинный коричневый свитер, старые брюки, большие черные очки. Волосы укладывались под столь же неизменный берет, но несколько самых непокорных прядей все же падали на лоб.

Ему можно было дать и четырнадцать, и шестьдесят. Голос ломкий, как у подростка, а лицо сморщенное... Словом, если вы искали человека не отсюда, то вряд ли найдется более характерный пример.

Авербах приехал в Комарово заказывать музыку к «Драме из старинной жизни». Сперва зашел к нам, и мы отправились к Каравайчуку. На даче сказали, что Олег Николаевич пошел на почту.

Приходим на почту, а там наш знакомый инопланетянин. Авербах стал говорить о Лескове, о «Тупейном художнике», а главное – о том, какая ему нужна музыка. Когда он сказал, что ему слышатся охотничьи рога, композитор взмахнул руками. Кажется, в эту минуту его осенило.

– Я уже пишу, – едва не закричал он и буквально побежал.

На следующее утро отец встретил Каравайчука. Он был совершенно спокоен, словно музыка внутри него не плескалась, ища выхода, а окончательно улеглась.

На сей раз он не ограничился поклоном и вздернутым подбородком.

---

¹¹² Лермонтов М. Ю. Дума (1838).

¹¹³ Каравайчук О. Н. (1927–2016) – композитор, музыкант-импровизатор, автор музыки к 150 фильмам, в том числе – «Драма из старинной жизни», «Монолог», «Чужие письма», поставленных Авербахом. Жил в Ленинграде-Петербурге и Комарово.

– Я уже все сделал, – сказал Олег Николаевич и, не дождавшись ответа, заторопился дальше.

Это плодотворное сотрудничество закончилось после «Голоса». Не только потому, что композитора Ромашкина Сергей Бехтерев¹¹⁴ играл таким же по-детски вспыльчивым, а звали его героя тоже Олегом. Главное, что Каравайчук вроде как присутствовал в кадре, а за кадром звучала музыка другого автора.

До Авербаха дошла фраза:

– Как он мог показать меня без моей музыки!

Думаю, прежде всего речь шла об одном моменте. Когда герой Бехтерева берет в руку дирижерскую палочку, то странность куда-то испаряется. Если бы еще это была музыка комаровского гения! Тогда бы стало ясно, что непонятен он только для других, а для себя сосредоточен и собран.

Уже никто не объяснит, почему Авербах так поступил. Можно только сказать, что странные люди его притягивали. Сколько их в его фильмах – кроме Ромашкина, назовем хотя бы Филиппка и Фарятьева. У всех отклонения проявлялись по-своему, но, наверное, в этом и проявлялась их индивидуальность.

Да в жизни таких персонажей хватало помимо Каравайчука. Из самых ярких мне вспоминается Фаина Георгиевна Раневская¹¹⁵, с которой у Ильи Александровича сложились добрые отношения. Возможно, тут был план, связанный с ее участием в следующем фильме, но скорее всего он просто получал удовольствие. Уж очень привлекателен этот человеческий тип.

Доказательств сколько угодно. Хотя бы история о том, как она подарила ему французский альбом. В те времена подобное издание было событием не меньшим, чем поездка в Париж. Так оно, по сути, и было: невиданное качество печати приближалось к непосредственным зрительным впечатлениям.

Раневская показывает альбом Авербаху. К сожалению, я не помню художника. Предположим, Марке. Режиссер восхищается, а потом говорит:

– Как я его люблю!

Фаина Георгиевна отвечает:

– Тогда я вам альбом подарю.

Илья Александрович растерян, но, как выясняется, это еще не вся радость.

– Правда, тут есть вещи, – продолжает Фаина Георгиевна, – без которых я не могу жить.

Она берет в руки альбом – такой весь прекрасный, а главное – только что из Парижа. Прямо как тот «суп в кастрюльке», о котором говорит Хлестаков.

Некоторое время ищет то, что нужно. Затем – хрясь! – выдирает страницу. Так она проделывает раз пять – и тогда передает книгу Авербаху.

Что это было? Желание оставить память о себе? Попытка хоть немного снизить пафос? Как ни отвечай на этот вопрос, очевидно, что альбом живописи стал поводом для акции. Если угодно, перформанса.

Теперь поговорим о последнем периоде Авербаха. До его ухода оставалось несколько лет – и картина «Голос». Был еще фильм о Ленинграде «На берегах пленительной Невы», но это лента документальная.

«Голос» рассказывает о том, что человек оставляет после себя. В данном случае итоги двусмысленны. Снятая героем Леонида Филатова¹¹⁶ производственная «вампука» переполнена

¹¹⁴ Бехтерев С. С. (1958–2008) – актер Малого драматического театра в Петербурге и кино.

¹¹⁵ Раневская Ф. Г. (1896–1984) – актриса театра и кино (в том числе немого). Осталась в истории не только своими ролями, но и меткими фразами. На ее родине, в Таганроге, существует улица Раневской и открыт памятник актрисе.

¹¹⁶ Филатов Л. А. (1946–2003) – актер московского Театра на Таганке и кино.

советскими штампами. Трудно связать эту ходульную работу с той прекрасной молодой женщиной, которая только что жила рядом.

К восьми с половиной лентам Авербаха (половина – новелла в картине, снятой вместе с И. Масленниковым; число, близкое к семи с половиной фильмам Тарковского!) и двум неосуществленным надо прибавить театральные замыслы. Свидетельствую: в последние годы режиссер планировал завоевание соседних территорий. Так что мы лишились не только фильма по Булгакову и «экшена» о войне. Столь же важно, что мы не увидели его спектакля.

В начале восьмидесятых я работал завлитом ленинградского Молодежного театра, который возглавлял Владимир Малыщицкий¹¹⁷. Авербах этому коллективу симпатизировал. Посмотрев весь репертуар, он вдруг заговорил о том, что хотел бы что-то поставить. Наконец, определился с названием. Его выбор пал не на пьесу, а на переписку Белого и Блока.

Спектакль по письмам – это что-то вроде кино. Ясно, что тут будет преобладать крупный план. Впрочем, не только это соединяло театральные замыслы с фильмом по булгаковскому роману. Обе работы должны были рассказать о людях, которых уже нет и которые вряд ли еще родятся.

Спектакль не состоялся – у Малыщицкого начались неприятности, и в конце концов его «ушли». От этих планов и разговоров в памяти осталась картинка: вытянув ноги, режиссер сидит на диване в закутке за сценой и вглядывается в проходящих мимо артистов. Возможно, прикидывает – кто у него будет играть.

Осталось сказать о самых последних месяцах. Вернее, кое-что добавить к тому, о чем написал отец. Незадолго до поездки в Карловы Вары они с Авербахом ходили к художнику Михаилу Карасику¹¹⁸. В коммунальной квартире, где он жил, в коридоре стоял «Ундервуд». Машинка находилась еще здесь, но явно по пути на помойку.

Перед этой машинкой Авербах едва не застыл. Вот что он искал для «Белой гвардии»! Вряд ли роль предполагалась значительная, но, как уже сказано, для него не существовало ничего неважного.

Следующий сюжет будет о предмете еще более несерьезном. О глиняных горшочках. Моя мама говорила, что по размеру они должны быть не больше фаланги пальца. В течение нескольких десятилетий ее собрание этих мелких вещиц разрослось настолько, что заняло все стены на кухне.

Не буду настаивать на том, что Сретенский из «Монолога» подражал моей маме, но Авербах явно сочувствовал ее увлечению. Как мог, пополнял коллекцию. Это было непросто прежде всего потому, что требования предъявлялись серьезные. Новые экземпляры должны были отличаться от тех, что уже имелись в собрании.

Как рассказано в дневнике, Авербах что-то привез не только из Мексики, но из последней поездки в Карловы Вары (запись от **11.4.86**). Уже никто не скажет, какие кувшинчики – те самые. Впрочем, дело не в конкретике, а в жесте. В том, что можно тяжело заболеть – и в то же время помнить о самых мелких своих долгах.

Каждому по-своему видится его уход. Одному напоследок досталась фраза, другому – выражение лица. Мы получили эти горшочки. Хотя они растворились в домашнем космосе, но не исчезли, а навсегда остались предметом гордости и главным капиталом.

Какой из этого следует вывод? Он был, как говорилось, решительным – и в то же время трогательным. Чаще всего бывает или одно, или другое, но у него эти качества сосуществовали.

¹¹⁷ Малыщицкий В. А. (1940–2008) – режиссер, создатель «ленинградской Таганки» – Молодежного театра на Фонтанке, который возглавлял в 1979–1983 гг. Впоследствии – основатель и главный режиссер «Театра-студии-87» в Пушкине, Камерного театра Владимира Малыщицкого.

¹¹⁸ Карасик М. С. (1953–2017) – художник, искусствовед. Инициатор и идеолог жанра «книга художника» в России. Автор более восьмидесяти «книг художника». Жил в Ленинграде-Петербурге.

Наверное, на этом следовало бы закончить предисловие, но я все же продолжу. Тем более что запись от **22.3.91** появляется вдогонку воспоминаниям об Авербахе.

Это Илья Александрович просил отца познакомить с Гором своего друга Леннарта Мери¹¹⁹. Впрочем, главное то, что текст связывает две эпохи. Ту, в которой жил режиссер, и другую, в которой его непоставленные фильм и спектакль о людях Серебряного века могли иметь настоящий успех.

Вроде бы заодно упомянутый Леннарт Мери это подтверждает. Можно ли было представить, что скромный редактор таллиннской студии станет первым президентом независимой Эстонии?.. Начинаясь эпоха «экшена», самых неожиданных событий и поворотов, Как мы помним, Авербах мечтал об этом жанре, но тоже не успел.

16.8.63. Пришел Илья Авербах – милый человек, простой. Настроение приподнятое. Разрыв с китайцами¹²⁰ как-то обрадовал всех, а тут еще подписание соглашения о запрещении ядерных взрывов¹²¹. Появилась вера в то, что наступают по-настоящему демократические времена.

Илья завтра едет в Москву, где он учится на курсах киносценаристов. К нему относятся как к человеку очень талантливому, а он действительно талантлив, хотя пока трудно определить степень. Худой, высокий, нервный, вечно с желваками на скулах, с обрывистой речью. Что он сделает в кино? В литературе?¹²² Что мы все сделаем в жизни – сказать трудно...

7.4.65. Вчера Илья Авербах читал мой рассказ «Возмездие» или «Неплохой человек»¹²³. Илья говорит: рассказ есть. Но я, видимо, взялся за самое сложное – за психологическую прозу, а это очень трудно. Очень! У меня во время разговора с ним возникло, как открытие для себя: «А ведь я подхожу к самому сложному. Дорос ли я до задачи исследования человеческой психики? Могу ли я писать без плоскостных решений, а так, как в жизни?» Потом я подумал, что начинается самое страшное: меня вновь перестанут печатать, как ребят из объединения, которые форсировали беллетристику, подошли к психологической прозе, но ею не овладели¹²⁴. А ведь назад, к повести¹²⁵, я не поверну.

Не рано ли я собрался уходить с работы? Что меня ждет? Что?

Нужно еще несколько лет, чтобы понять главное в этом этапе. Но для этого нужно читать, нужно время. Заколдованный круг!

14.5.65. Два дня назад у меня были Илья Авербах и Алик Коробов¹²⁶. Илья учит Алика быть стойким, писать в любых условиях, а сколько трудностей – не замечать. Не понимает Илья – Алик тоже раб. Он думает, как я: как я прокормлю семью... Ему неловко перед ребятами – они уже начальники, кандидаты, а он никто. Это было и у меня. Мы споловиненные люди. Нас разрывают слабости. Мы от них гибнем. Казалось бы, плевать я хотел на науку, на начальство, ан нет... Заработаю на случайных дежурствах лишнюю десятку – рад, хотя думаю, что это мне

¹¹⁹ Мери Л. (1929–2006) – писатель и государственный деятель, в 1990–1992 гг. – министр иностранных дел, в 1992–2001 гг. – президент Эстонии.

¹²⁰ См. примеч. 1 на с. 19.

¹²¹ Договор подписан 5 августа 1963 г. в Москве. Сторонами договора являлись СССР, США и Великобритания.

¹²² Во время и после учебы в институте Авербах пробовал себя как прозаик, поэт, журналист.

¹²³ Другое название – «Дева Мария». Рассказ был опубликован под названием «Мать» в еженедельнике «Неделя», а потом в книге отца «Боль других» (М., 1967).

¹²⁴ Имеется в виду Центральное литературное объединение Ленинграда, которым руководил Г. Гор. В эти годы объединение посещали А. Битов, В. Попов, Б. Вахтин, И. Ефимов, В. Марамзин. Последние трое составили костяк литературной группы «Горожане». В январе 1965 г. участники группы предложили в Ленинградское отделение издательства «Советский писатель» сборник прозы «Горожане», который после обсуждения и рецензирования был отвергнут.

¹²⁵ Речь о повести «Боль других», которую отец считал юношеской «пробой сил».

¹²⁶ Коробов А. Н. (1934–2011) – инженер и литератор, опубликовал две книги – «День нынешний, день завтрашний» (М., 1972), «Повести и рассказы» (Л., 1977). Одноклассник Авербаха по ленинградской школе № 181. Жил в Ленинграде, с 1980 г. – в США.

ни к чему. Мне нужно писать, писать. Мне нужно делать книгу взрослых, детских рассказов. Написать маленькую повесть. Черт знает, какие должны быть у меня планы, а я трушу. Упускаю время.

Ласкин, остановись! Слабости тебя уничтожат.

24.9.65. ...опубликована рецензия на мою повесть¹²⁷ в «Ленинградской правде», написал Борис¹²⁸. Илья Авербах вчера сказал: «А я не сомневался, что это не ты организовал». Но в голосе было слишком много «доброжелательности». А правильно ли было ждать? Борис прав – друзья должны перебивать дорогу недругам. Все остальное снобизм – ведь Борису повесть понравилась, это точно.

25.12.65. Был очень сильный и стыдный разговор с Ильей Авербахом. Дал ему прочесть рассказ «Преодоление»¹²⁹. Рассказ резко не понравился, даже раздражил его. Рациональными и очень правильными были его упреки.

– Ты не хочешь учиться, – говорил он. – Разве можно так писать? Ты уходишь от своей темы, от материала, от того, что понравилось в «Деве Марии». Ты пишешь кошмарные фразы. «Комната была обставлена со вкусом». Разве это литература? Это пустоты, провалы. Нули.

Все правильно. Я остаюсь легкомысленным. Не додумываю, какие бы лозунги ни писал в дневнике. Так будет и с романом¹³⁰. Я взялся за полотно, а рассказы писать еще не научился.

17.12.67. А «Идиот»¹³¹, которого сегодня окончательно закончил, послал в «Неделю». «Идиот» вышел, мне кажется, отлично. Душа поет от общих похвал. Авербах считает – это лучший мой рассказ.

30.8.69. Сажусь за роман¹³². Из замечаний И. Авербаха:...

Лицо повествования – это обязательно:

а) Поток сознания.

б) Рассказ как рассказ.

в) Дневник (разговор с собой).

г) Рассказ из настоящего в прошлое – как собеседнику.

Нужно знать сразу форму. Камю («Падение») очень точный адрес собеседнику (а). Это создает стилистическую точность.

У меня – вроде дневник (в), вроде рассказ (б).

5.5.75. Показал Авербаху заявку «7 пятниц». Умные, толковые замечания и вопросы, на которые я при своем уме недисциплинированном не могу ответить, тупею, хотя и знаю, насколько это было бы важно.

О чем фильм? О любви? Этого мало. А может, о том, что люди остаются людьми, хотя рушится природа. А может, о том, что все это маски на нас – истинное лицо каждого скрыто.

Авербах зовет к сложным решениям. «Вот и в твоей „Лестнице“¹³³ постоянная тяга к легким ходам, однолинейным и банальным. Нужно искать то, из-за чего станет интересно».

Да, я забываюсь, мне вроде легко. Мозг отключен, работают пальцы.

¹²⁷ Рецензия на публикацию в «Юности» повести «Боль других».

¹²⁸ Раевский Б. М. (1920–1984) – писатель, автор книг для детей и подростков, товарищ отца. Жил в Ленинграде.

¹²⁹ Рассказ «Преодоление» опубликован в книге «Боль других» (М., 1967).

¹³⁰ В это время отец начал писать роман «Художник и маляр» (впоследствии получивший название «Абсолютный слух»).

¹³¹ Рассказ «Поздний дебют» (первоначальное название – «Идиот»), посвященный судьбе актера-неудачника, неожиданно приглашенного на роль князя Мышкина, опубликован в «Неделе», а потом в книгах «Эта чертова музыка» (М., 1970) и «Голос» (Л., 1990).

¹³² Роман «Абсолютный слух» написан от имени главных героев – учительницы и журналиста. Как видно, правомочность этого приема они и обсуждали с Авербахом.

¹³³ Повесть опубликована в журнале «Юность», а затем в книге отца «Чужое прошлое» (Л., 1981).

14.1.86. Одиннадцатого января умер Илья Авербах. Это было как гром среди ясного неба. Болел в Москве, я звонил еженедельно, Наташа¹³⁴ отвечала – дело к выздоровлению. И вдруг...

Мы 5–6 октября были вместе, ходили в Лавку за книгами – он уезжал в Карловы Вары. По дороге мне показалось, что он пожелтел... Думали – вентилярный камень¹³⁵. Потом были две тяжелые операции.

Рассказывали, приехала Машка¹³⁶ – ее впустили на секунду, Илья держался отлично, а потом жутко плакал.

Из моих друзей это был самый значительный и самый порядочный человек, бесспорно. Он был много выше всех остальных и, пожалуй, старше намного меня до последнего времени. Как-то я никогда о нем не писал, не думал – так было обычно, что жили рядом... И вот – смерть.

5.3.86. Недавно на столе редактора увидел дневники Евг. Шварца¹³⁷. И поразился его мудрости – пишет каждый день, ставя перед собой задачу раскрыть чье-то имя, биографию. Вот и у меня – Илья Авербах. Недавняя смерть, были с Фредом¹³⁸ у мамы, Ксении Владимировны¹³⁹, а позади двадцать пять лет дружбы. Почему бы мне для себя не написать все общее наше прошлое, его портрет.

Он тут выступал по телику, а старуха говорит: «Я обрадовалась, когда его увидела. Вот он, Илюша. В рубашечке с короткими рукавами, такой живой».

У меня замерло сердце. Я смотрел и думал о ней – не смотрела бы, не переживет.

И еще она сказала, когда я вспомнил о брате Ильи Николае¹⁴⁰:

– Что вы, Сеня, ничего же общего. Это неизмеримая разница. Ничего. Ничего.

...Странная смерть. Иногда хочется позвонить. Действительно, самый значительный и разумный из всех моих знакомых. У одного увеличивается желчность, злость, а у Ильи увеличивалась мудрость. Яшка Багров¹⁴¹ сказал, что Илья чем крупнее, тем проще стал, значительнее. Это так и было.

Конечно, он был неудачник в личной жизни. Сейчас Наталья полна достоинства – безутешная вдова, а ведь он последнее время считал ее (так чувствовалось) доброй знакомой¹⁴². «Она ненавидит мою мать, я не знаю, что делать».

Прошлое наше огромно, наверное, многое бы вспомнилось, если бы писать. Голос в ушах звучит: «Моя фамилия Авербах» – это по телефону. И его слово: «Прелестно!» – это вспомнил Леша Герман¹⁴³.

¹³⁴ Н. Рязанцева.

¹³⁵ При закупке желчного протока появляются боли по типу печеночной колики, желтуха, повышение температуры.

¹³⁶ Авербах М. И. (род. 1964) – продюсер, актриса, окончила факультет иностранных языков. Дочь Авербаха от первого брака.

¹³⁷ Речь о готовившейся в издательстве «Советский писатель» книге Е. Шварца «Живу беспокойно...», в которую вошли фрагменты его «Телефонной книги». Над этим изданием работала «отцовский» редактор – К. Успенская.

¹³⁸ Ф. Скаковский.

¹³⁹ Куракина К. В. (девичья фамилия – Стракач, 1903–1988) – мать Авербаха, актриса, снималась в немом кино, работала в разных коллективах Петрограда-Ленинграда – театре Пролеткульта, «Кривом зеркале», Новом театре (впоследствии – театре имени Ленсовета), Драматическом театре (впоследствии – Театре имени В. Комиссаржевской). С 1956 г. преподавала сценическую речь в Ленинградском театральном институте.

¹⁴⁰ Куракин Н. М. (1921?–1987) – сводный брат Авербаха по матери, режиссер детской редакции Ленинградского телевидения.

¹⁴¹ Багров Я. Ю. (1930–2016) – врач, ученый, доктор медицинских наук, товарищ Авербаха и отца. Был научным консультантом фильма «Монолог», снялся в этой картине в массовке в сцене ученого совета. Жил в Ленинграде-Петербурге.

¹⁴² Я бы не решился оставить эту фразу в публикации, если бы Рязанцева сама в книге воспоминаний «Не говори маме» (М., 2005) не написала об этом: «С Ильей мы не разошлись, хотя я этого ждала в любую минуту... Это была новая, вполне платоническая эра нашей любви, двух свободных людей...»

¹⁴³ Герман А. Ю. (1938–2013) – кинорежиссер, товарищ Авербаха по работе на студии «Ленфильм».

И его гнев помню, когда он увидел на сценарии рядом с моей фамилией – фамилию Ребров (Рябкин скрылся за псевдонимом)¹⁴⁴.

– С кем ты вступил в соавторство?!

– Какая разница?!

– Что значит разница? Это какое-нибудь говно. Это Рацер и Константинов¹⁴⁵ или того хуже – Рябкин.

Он понял, что попал в десятку, сказал:

– Ты должен беречь свое имя.

Он был горд и достоин! Я сказал как-то:

– Мы непрофессионалы.

– Я профессионал, – разозлился он, – профессионал!

Теперь я – вслед за ним – отстаиваю свой профессионализм.

– Я профессионал, – говорю часто.

Продолжение дальше. Попробую как у Шварца: «Мы познакомились в институте, но я запомнил его в квартире на Моховой. Собрались Рейн¹⁴⁶, Коробов, Илья. Рейн читал стихи о дожде. Потом были сборы в Таллинне...

6.3.86. Рейн читал стихи о дожде. Он рокотал, вибрировал, ниспровергал. Я помалкивал, я легко комплексую, Рейн часто меня подавлял, пока я не привык к нему, не стал чувствовать, что в нем много шутовского.

Но тогда Илья гордился Рейном. Он его почитал, называл поэтом, считал значительным, что, пожалуй, и подтвердилось.

Когда в 1984 году вышла книжка Рейна¹⁴⁷, Илья мне сказал:

– Я плакал.

Это показалось странным – плачущего Илью я не представлял себе.

Но друзей он любил, был справедлив, очень. Когда мы начинались, то как-то я оказался в такой компании – Аксенов, Иосиф Бродский, Илья, Толя Найман¹⁴⁸. Говорили о стихах. Я имел неосторожность хорошо сказать о «Гойе» Вознесенского. Я даже учил это стихотворение наизусть.

Найман сказал:

– Сеня, ты бы не говорил о поэзии. Ты в этом ничего не понимаешь. Я же не лезу в медицину.

Илья затрясся.

– Я набью тебе морду, – сказал он.

Почему-то вспоминаю его у нас дома, сравнительно недавно, осенью 1985 года. Приехал Иосиф Герасимов¹⁴⁹ с внуком Денисом. Говорили о предстоящих переменах, был светский застольный разговор, пока инициативу не взял Денис. Он – маленький, безусый, почти дитя, хотя ему лет 14 – стал рассказывать о мутациях, о биологии.

Илья смотрел на Дениса восторженно, потом сказал:

---

¹⁴⁴ Отец написал сценарий фильма «На исходе лета» в соавторстве с драматургом Г. Рябкиным (1927–1992) (режиссер Р. Мурадян, Свердловская киностудия, 1979).

¹⁴⁵ Рацер Б. М. (1930–2012) и Константинов В. К. (1930–1996) – одни из самых плодовитых и коммерчески успешных советских драматургов. В период соавторства жили в Ленинграде.

¹⁴⁶ Е. Рейн посвятил Авербаху несколько стихотворений: «Я видел сон, где ты бесстрашно...», «Большая Подъяческая улица в Петербурге», «Второе мая. Памяти И. Авербаха».

¹⁴⁷ Первая поэтическая книга Рейна «Имена мостов» (М., 1984) – ее издания автор ждал восемнадцать лет.

¹⁴⁸ Найман А. Г. (род. 1936) – писатель, поэт, мемуарист. С 1963 года до конца жизни Ахматовой был ее литературным секретарем. Соавтор Ахматовой по переводам Д. Леопарди. Живет в Москве.

¹⁴⁹ Герасимов И. А. (1922–1991) – писатель, драматург, киносценарист. Жил в Москве.

– Я слушал его и думал: это же эпизод для кино! Снять бы и спрятать. Пока не знаю – зачем, но пригодится наверняка.

Мы подружились на сборах, хотя были ближе с Фредом. Помню, нам была смешна его уверенность в себе. Он говорил, что в кино сможет многое...

Приехали Рейн с Галей¹⁵⁰. Они с Ильей сели друг против друга – и говорили о литературе.

– Ты сколько написал?

– Четверостиший двадцать.

– Это много.

Мы хохотали – тем более, что это было неправдой, на сборах Илья не писал.

11.4.86. ... Он был трезвее и взрослее нас всех. Помню, я что-то наивное говорил о своей работе, о литературе. Он резко оборвал:

– Ты уже пожилой человек, а говоришь...

Я засмеялся. Я не чувствовал себя даже очень взрослым, а он так определил мои сорок пять. Только сейчас, когда бывает худо, я начинаю думать о старости и даже о смерти. Но тогда...

... К дружбе Илья относился серьезно, но когда я сказал, что наш общий приятель ко мне несправедлив, развел руками:

– Вы разошлись!

– Но мы не ссорились!

Он не хотел слушать объяснений, ему явно неприятно было знать причины обид. Морщился, если приходилось, почти страдал. Потом повторял:

– Вы разошлись. И тут ничего не поделаешь. Разошлись – и все.

Так он сам разошелся с Аксеновым, никогда о нем не вспоминал¹⁵¹.

Кумиров не делал, не имел, не признавал. Но кого-то уважал как высокого профессионала. О Михалкове, помню, сказал:

– Американец!

Личной жизни у Ильи не было начисто. «Барышни» не застревали в сознании. Он иронично на них смотрел – и отбрасывал... Фактически быта не было. Работа, работа, друзья...

Деньги отчего-то у меня не одалживал, а у других бывало. Даже у Кунина¹⁵², которого не очень любил. Видимо, что-то чувствовал во мне в этом смысле неуверенное – я зависел вечно от Оли, от дома.

Говорил как бог. Четко. Умно. Высоко. Я вел его вечера дважды в Доме писателя. Он показывал «Объяснение в любви» и «Фарятьева». Потом в Доме композиторов слушал его перед показом «Ленинграда»¹⁵³.

И тут был крут, бескомпромиссен. Назначили – или сам пригласил – Пиотровского¹⁵⁴, тот стал наставлять на съемках Выборгской стороны, революционных памятников и мест. Илья порвал с ним, выкинул из консультантов. Я защищал старика, но это вызывало раздражение.

¹⁵⁰ Наринская Г. М. (род. 1942) – первая жена Е. Рейна и вторая жена А. Наймана.

¹⁵¹ Причина размолвки с Аксеновым неизвестна. По свидетельству первой жены Авербаха Э. Норкуте, все было не так однозначно, как пишет отец. После смерти Авербаха ей позвонила из Америки жена А. Коробова (см. примеч. 5 на с. 56) Серафима и сказала: «Мы тут сидим с Васей Аксеновым и плачем» (запись разговора с Э. Норкуте от 15.3.17).

¹⁵² Кунин В. В. (1927–2011) – писатель, сценарист. В соавторстве с Куниным отец написал сценарий фильма «Дела сердечные» (режиссер А. Ибрагимов, «Мосфильм», 1973). Жил в Ленинграде, с начала 1990-х гг. – в Германии.

¹⁵³ Последний фильм Авербаха «На берегах пленительной Невы».

¹⁵⁴ Пиотровский Б. Б. (1908–1990) – ученый-археолог, академик, директор Эрмитажа в 1964–1990 гг. Раскопки в Кармир-Блур, которые Пиотровский вел на протяжении нескольких десятилетий, привели к открытию материальных следов цивилизации Урарту. Отец был с Пиотровским в добрых отношениях – написал о нем очерк для журнала «Нева», вместе с ним ездил на раскопки в Армению (см. записи в 5-й главе от 12.10.83 и последующие).

Последняя его страсть – Булгаков, «Белая гвардия». Читал все. Думал. Переписывал сценарий. Добился двух серий, отказался от Мексики¹⁵⁵.

«Белая гвардия»: честь, совесть, порядочность, высокая нравственность – вот главное для него.

Мы играли в Белую гвардию, сидя в Таллинне в кофиге, держа рюмку бенедиктина и называя друг друга поручиками.

– Надо что-то делать! – говорил Илья. – Так дальше нельзя.

Жлобов не терпел. Про одного такого сказал:

– Ненавижу.

И ненавидел до коллик, до спазмов мышц лица, до злобы. Сжимал кулаки – был готов драться.

Саша Галин¹⁵⁶ с ним говорил обо мне. Илья сказал:

– Сеня – мой друг.

Я действительно был его другом, но Оля только в последние годы поняла, насколько он порядочен и честен.

Из Мексики привез ей горшочек, а умирая в Карловых Варах, тоже купил ей какие-то кубинчики. Он был нежен, трогательно нежен, черт побери.

Я плачу – после родных это одна из самых значительных потерь в моей жизни. Значительных еще потому, что значительнее Ильи у меня никого не было.

14.4.86. Как, оказывается, трудно вспоминать о человеке, которого близко знал и любил. Чувствуешь, что не хватает его постоянно, но вспомнить и рассказать есть не так много.

Он очень хотел бывать в Лавке писателей – любил книги, покупал помногу. Я в конечном итоге ввел его и подружил с Ларисой и Софьей Михайловной¹⁵⁷, но вначале никак не мог этого сделать, так как пошел официальным путем. Тогда оргсекретарем была Подрядчикова, нынешний директор Лавки, а тогда – генерал-дама¹⁵⁸.

Мы взяли ходатайство у киношников и пришли к ней. И вдруг она резко, оскорбительно отказала.

– Не разрешаю!

Илья сжался, был оскорблен.

Сказал:

– Зачем ты меня сюда привел?!

Я был более чем расстроен. Он, видимо, почувствовал, что я очень горюю, стал меня утешать. Оказалось, что и тут он сильнее меня. Умел ерунде не придавать особого значения.

Потом эта ситуация разрешилась сама собой. Он пригласил Ларису в Дом кино, посидели в ресторане, – она очень к нему расположилась.

16.4.86. ...А вообще грущу, вокруг никого, одиночество очень контактного человека. Каждая смерть – сразу брешь, и ветер из нее пронизывает насквозь. Что говорить об Авербахе?!

---

¹⁵⁵ Речь о советско-мексиканской картине, которую было предложено снимать Авербаху. Обсуждалось, что прототипом главного героя будет Ю. Кнорозов, расшифровавший язык майя. Авербах ездил в Мексику, но от дальнейшей работы отказался.

¹⁵⁶ Галин А. М. (род. 1947) – драматург, сценарист, прозаик, режиссер театра и кино. Лидер – вместе с Л. Петрушевской и А. Соколовой – «новой волны» в российской драматургии, один из самых востребованных современных авторов для театра. В его пьесах «Ретро», «Восточная трибуна», «Звезды на утреннем небе» и др. с удовольствием играли – и по-новому раскрылись – О. Табаков, В. Гафт, И. Чурикова, И. Кваша, М. Ефремов. Побил своеобразный рекорд постановок в одном театре – семь его пьес шли или идут на сцене «Современника». Живет в Москве.

¹⁵⁷ Никельбург С. М. и Бессонова Л. В. – продавщицы «писательского отдела» ленинградской Лавки писателей.

¹⁵⁸ Подрядчикова М. И. (1923–2009) – ответственный секретарь ленинградского отделения Союза писателей СССР, в 1961–2003 гг. – директор ленинградской-петербургской Лавки писателей.

20.7.86. Сегодня ночью отчего-то вспомнил, как Илья читал первый вариант моей «Боли других». Сказал: нужно работать еще и еще. Я с ужасом спросил:

– Сколько работать?

– Год, а может, и два.

Я от страха даже задохнулся. Как это может быть? Я ведь уже написал, а оказывается, вроде бы и не начал повести.

Потом мы пошли по Фонтанке – мы жили на Ракова, – и Илья говорил о Достоевском. Я тогда – это был год 61–62-й, – видимо, и не читал всерьез Ф. М. «Вот у кого есть концепция жизни, – говорил он, – а у тебя ее нет».

Я не понимал, отчего это у меня нет концепции. И зачем концепция? Он шел с опережением, в нем была культура.

Вчера в «Энциклопедии кино» прочитал о нем короткий абзац, но все же абзац, и очень к тому же заслуженный им.

Как жаль! И как больно и нелепо! Человек должен был сделать главное, но не успел. Мы начались в тридцать, даже в тридцать четыре, но он был сразу более зрелым.

14.10.86. Была по телику передача об Илье¹⁵⁹. Наталья Рязанцева, Герман, Аранович¹⁶⁰ и другие. Я пытался по ассоциации вспомнить разное и вспоминал свое, но сильной искры не высекалось – все же слишком мало многие выступавшие его знали.

Леша Герман вспомнил сумку на его плече, чуть перекошенном от легкой тяжести, – «птичья походка». Впрочем, походка была обычная, но с сумкой он действительно не расставался, и я не уверен – лежало ли в ней хоть что-нибудь.

Аранович говорил о том, что Илья был наставником. Да, он меня часто понукал, поправляя ударения в словах, напоминал о возрасте. Он первый в моей жизни сказал, что я уже старый человек и так – ребенком – жить невозможно.

– Я? Старый?

И сейчас помню свое резкое удивление. А затем смущение и подчиненность его выводу.

Он обожал учить, если считал, что другой исправим. Учил стихам, произношению, правилам поведения, но это не значит, что он был занудой. Нет, он был естественней и значительней – куда значительней, чем мы.

– Ты с ума сошел! – говорил он мне, когда я не дарил ему свои пушкинские работы¹⁶¹. И я торопливо дарил – мне становилось стыдно.

Благодарен он был удивительно, как и честен. Илья всегда был выше мелочей, выше ссоры.

О профессионализме я уже писал – он придавал профессионализму (своему и чужому) самое большое значение.

Взбешенным я его видел раз, когда его унизила Марина Ивановна¹⁶². Кричал он на мать, она его иногда раздражала, но он очень ее любил.

Клепиков¹⁶³ сказал: «Он был разнообразно одарен, но полной воплощенности достиг в кино». Да, он писал стихи, играл на гитаре, пел, когда все пели, когда возникал Окуджава, писал спортивные очерки, был спортивным журналистом (и всю жизнь читал, покупал книги о спорте), знал музыку, но выразился полностью только в кино, в нем достиг полного профессионализма.

¹⁵⁹ Передача Ленинградского телевидения (режиссер – А. Кривонос, 1986).

¹⁶⁰ Аранович С. Д. (1934–1996) – кинорежиссер, товарищ Авербаха по «Ленфильму», соавтор сценария фильма «На берегах пленительной Невы».

¹⁶¹ В течение долгого времени отец занимался историей пушкинской дуэли. Его работы, посвященные этой теме, вошли в книгу «Вокруг дуэли» (СПб., 1993).

¹⁶² См. примеч. 2 на с. 65.

¹⁶³ Клепиков Ю. Н. (род. 1935) – киносценарист. Живет в Петербурге.

Говорили, что в его кино есть холодность, неэмоциональность. Но нет! Это была не холодность. Я уходил взволнованный даже с «Хроники крепостной жизни»¹⁶⁴, которую он отрицал сам. В его фильмах была сдержанная страсть – да, и страсть! А эпизод с Макеевым потрясающий, самый страстный¹⁶⁵. Но кроме того, была в нем и в его фильмах чистота интеллигентности – это был путь к «Белой гвардии», он шел к ней и в «Монолог», и в «Объяснении в любви», и в «Чужих письмах».

...Ревности в нем не было совершенно. Даже людей, которых он должен был бы считать чужими, таких, скажем, как Михалков, он уважал...

Как он восхищался натюрмортами в фильмах Тарковского!

Помню его бешеную любовь с польской актрисой – потом все угагло. Но в тот момент он часами говорил с ней по телефону, проговаривал огромные деньги.

Дома у него была под стеклом фраза Феллини: «А с чего ты взял, что тебе должно быть хорошо?»¹⁶⁶

Хорошо ему было не часто, а когда все же бывало хорошо, то только тогда, когда он добивался чего-то в искусстве. Так было и в последний раз, когда он отказался от Мексики, предпочтя ей «Белую гвардию», но не успел ее снять.

18.1.87. Был вечер памяти Ильи, очень хороший, замечательно говорили Клепиков, Андрей Смирнов¹⁶⁷, хуже Финн¹⁶⁸... А я думал: почему я их не знал? Был так далек от этой среды? Даже на его сорокапятилетию, которое мы праздновали в доме творчества в Репино, не знал почти никого.

Слои его знакомых и даже друзей не пересекались – у него почти никогда не было дома. И это его беда.

И еще, что чувствуется на фото на билете¹⁶⁹. Он знал себе цену, верил в себя. Кто-то обижался: он не слышит, я, мол, его предупреждал... Нет, слышал, но имел свое мнение...

1.11.87. В мире разное. Иосиф Бродский получил Нобелевскую премию, стал 5-м лауреатом из России. Четыре из них – Бунин, Шолохов, Пастернак, Солженицын, и он – изгой.

Все странно и осознается непросто. Не очень давно Иосиф, Васька, Илья, я, Толя Найман сидели в «Октябрьской». Иосиф читал замечательные стихи: «Плывет в тоске необъяснимой / Среди кирпичного надсада / Ночной караблик негасимый из Александровского сада...» Голос его поднимался по спирали, вбежала горничная, испуганно закричала: «У вас что-то случилось?» Казалось, он не читает – поет. Об этом же говорил Соснора¹⁷⁰: «Триоле сказала (может, Брик?): Иосиф, Вы шаманите»¹⁷¹. Она не понимала ни слова».

3.11.86. Снова была передача об Илье. Его голос, его бормотание о человеке. Говорил, что его не интересует ничто – ни космос, ни что иное – человек самое сложное явление...

¹⁶⁴ «Драма из старинной жизни».

¹⁶⁵ Эпизод с бродягой-интеллигентом в фильме «Объяснение в любви» (его играл артист И. Макеев) после замечаний Госкино был частично переснят.

¹⁶⁶ Неточно: «А почему ты должен быть счастливым?» – слова Кардинала, обращенные к главному герою Гвидо Ансельми в фильме Ф. Феллини «Восемь с половиной». Как видно, в памяти отца реплика из фильма соединилась с фразой О. Мандельштама, сказавшего жене: «А кто тебе сказал, что мы должны быть счастливыми, что ты должна быть счастлива».

¹⁶⁷ Смирнов А. С. (род. 1941) – кинорежиссер, актер. Живет в Москве.

¹⁶⁸ Финн П. К. (род. 1940) – киносценарист, автор сценариев более шестидесяти фильмов, в том числе – «Объяснение в любви». Опубликовал книгу воспоминаний «Но кто мы и откуда» (2017), одна из глав которой посвящена Авербаху. Живет в Москве.

¹⁶⁹ В дневник вклеен билет вечера в Доме кино.

¹⁷⁰ Соснора В. А. (1936–2019) – поэт, прозаик, драматург. Не только эстетически, но и биографически (через дружбу с Н. Асеевым и Л. Бриком) был связан с радикальными направлениями поэзии XX века. Жил в Петербурге.

¹⁷¹ Скорее всего, эта фраза принадлежит Л. Брику.

Потом короткое его совмещение с Полуниным¹⁷², клоуном, – два мастера. Какой приятный кадр.

Господи, из моего окружения эта потеря особенная, больше столь значительных нет! И особая обида, что он не застал этого обновления, сколь бы кратковременным оно ни оказалось. Жаль!

22.3.91. ...Юри Туулик¹⁷³, очень милый человек и эстонский писатель, так рассказывает о Леннарте Мери, министре иностранных дел Эстонии, друге Ильи Авербаха и моем добром знакомом (я вел его вечер в Доме писателей, встречался в Таллинне, водил к Геннадию Гору).

К Мери приехал профессор и передал привет из Парижа от его знакомого.

– А, этот старый педераст? – мягко пошутил будущий министр.

– Я не знаю, педераст ли он, но он сказал, что он – ваш друг.

У Гора Леннарт Мери смотрел картины Панкова¹⁷⁴, был потрясен охристыми линиями неба, знакомостью и связью с японским искусством.

Помню, Гор торопливо соглашался, хотя сам об этом не думал. А ведь Мери был прав!

Я – Туулику:

– Юри, вы приобретаете самостоятельность, скоро отделитесь...

Туулик:

– Мы-то готовы, но ваши войска не спешат.

21.12.92. Вышел в двух театрах «Палоумыч» – смеются, но я недоволен. Лемке¹⁷⁵ не понял, что пьеса о любви, – все превратил в буфф. Я представляю, как негодовал бы Илья Авербах, если бы увидел эту клоунаду. Мне дурно становится от одной этой мысли.

30.12.96. Читаю Л. К. Чуковскую об Ахматовой – последний уже журнал¹⁷⁶. Очень здорово! Вдруг в комментариях увидел, что многие из названных людей умирали в возрасте меньше моего. И тут же вспомнил Илью Авербаха. 11.1. будет еще одна годовщина. Уже одиннадцать лет как нет его. Очень жалко! Мудрый, талантливый и очень близкий мне человек.

---

¹⁷² Полунин В. И. (род. 1955) – актер, режиссер, клоун, мим.

¹⁷³ Туулик Ю. К. (1940–2014) – эстонский прозаик и драматург, автор сборников рассказов «Заморское дело», «Сельский трагик», «Мужчины и собаки», сборника пьес «Комната оленьего рога».

¹⁷⁴ Панков К. Л. (1910–1942) – ненецкий художник, создатель «северного изобразительного искусства», был открыт Гором. (См.: Гор Г. С. Ненецкий художник Константин Панков. Л., 1968).

¹⁷⁵ Лемке Л. И. (1931–1996) – актер театра и кино, режиссер, с 1962 г. до конца жизни – актер Театра комедии, поставил две пьесы отца – «Акселераты» в Театре комедии и «Палоумыч» в Театре имени Ленинского комсомола – и сыграл в них центральные роли. Жил в Ленинграде-Петербурге.

¹⁷⁶ «Записки об Анне Ахматовой» Л. К. Чуковской публиковались в журнале «Нева» (1993, № 4–6).

Глава третья «Гор сказал...» (Геннадий Гор)

В судьбе отца его старшему товарищу Геннадию Гору (1907–1981) принадлежит особое место. О чем тут сказать прежде всего? Да, Гор его «вывел в люди» – написал предисловие к первой книге и потом постоянно поддерживал. Да, отец написал роман «...Вечности заложник», в одном из героев которого узнается Гор. К тому же он, этот герой по фамилии Фаустов, позаимствованной из горовского «Изваяния», пишет стихи – те самые блокадные стихи Геннадия Самойловича, которые сейчас стали знаменитыми, а тогда публиковались впервые¹⁷⁷.

Начнем все же с того, что это было не просто длительное знакомство, а подлинная приязненность и ученичество. В течение многих лет отец ходил к Гору набираться ума-разума. Отсюда повторяющийся лейтмотив его дневника: «Гор сказал...» Затем следовало нечто столь важное и глубокое, что это невозможно было не записать.

В шестидесятые годы, когда они познакомились, отец только начинал. Все еще оставалось неясным – и по части перспектив, и по поводу самой новой профессии¹⁷⁸. Так что Гор появился вовремя. Тут важен как личный пример, так и те многочисленные примеры, на которые Геннадий Самойлович был щедр.

Речь шла о жизни в литературе, но не только. Отец преодолевал свое узкоматериалистическое медицинское образование, и Гор всячески ему помогал. Он давал книги из своей библиотеки, объяснял смысл философских течений. Перед отцом открывалось нечто такое, о чем не догадывались не только коллеги-врачи, но и большинство коллег-литераторов.

В это время Геннадию Самойловичу было около шестидесяти, но возраст тут ни при чем. У писателей его поколения некоторые годы идут за два или за три – в зависимости от того, в какое количество постановлений ты попал и сколько раз тебя прорабатывали.

В самом деле: сколько раз прорабатывали Гора? Сложно ответить на этот вопрос, но одну цифру назовем. После выхода Постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград» в партийных организациях города прошло более пятидесяти собраний. Значит, имя Геннадия Самойловича склонялось как минимум столько раз.

---

¹⁷⁷ Стихи были найдены после смерти Гора. Его дочь Лидия Геннадьевна (см. примеч. 3 на с. 116) их перепечатала. Один экземпляр она отдала Д. А. Гранину, а другой – моему отцу. Первая большая подборка – под собственной фамилией автора – вышла больше чем через десять лет после публикации романа «...Вечности заложник» (Г. Гор. Стихи. «Звезда». 2002. № 5). Предваряет публикацию моя статья: «Гор и мир».

¹⁷⁸ Отец долго разрывался между медициной и литературой. Об этом свидетельствует полученное мной письмо от культуролога Б. Парамонова, чья сестра дружила с моим дядей, врачом М. Ласкиным (1926–1976). Дядя рассказывал Парамонову, что «его брат... тяготеет к писанине, тогда как его считают блестящим кардиологом, и что к его отцу, Вашему деду, нанес визит его научный руководитель профессор Кедров, чтобы повлиять на сына, уговорил остаться в медицине». Кедров А. А. (1906–2004) – доктор медицинских наук, профессор, основатель научной школы, родной дядя А. Битова (См. рассказ Битова «Похороны доктора»).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.